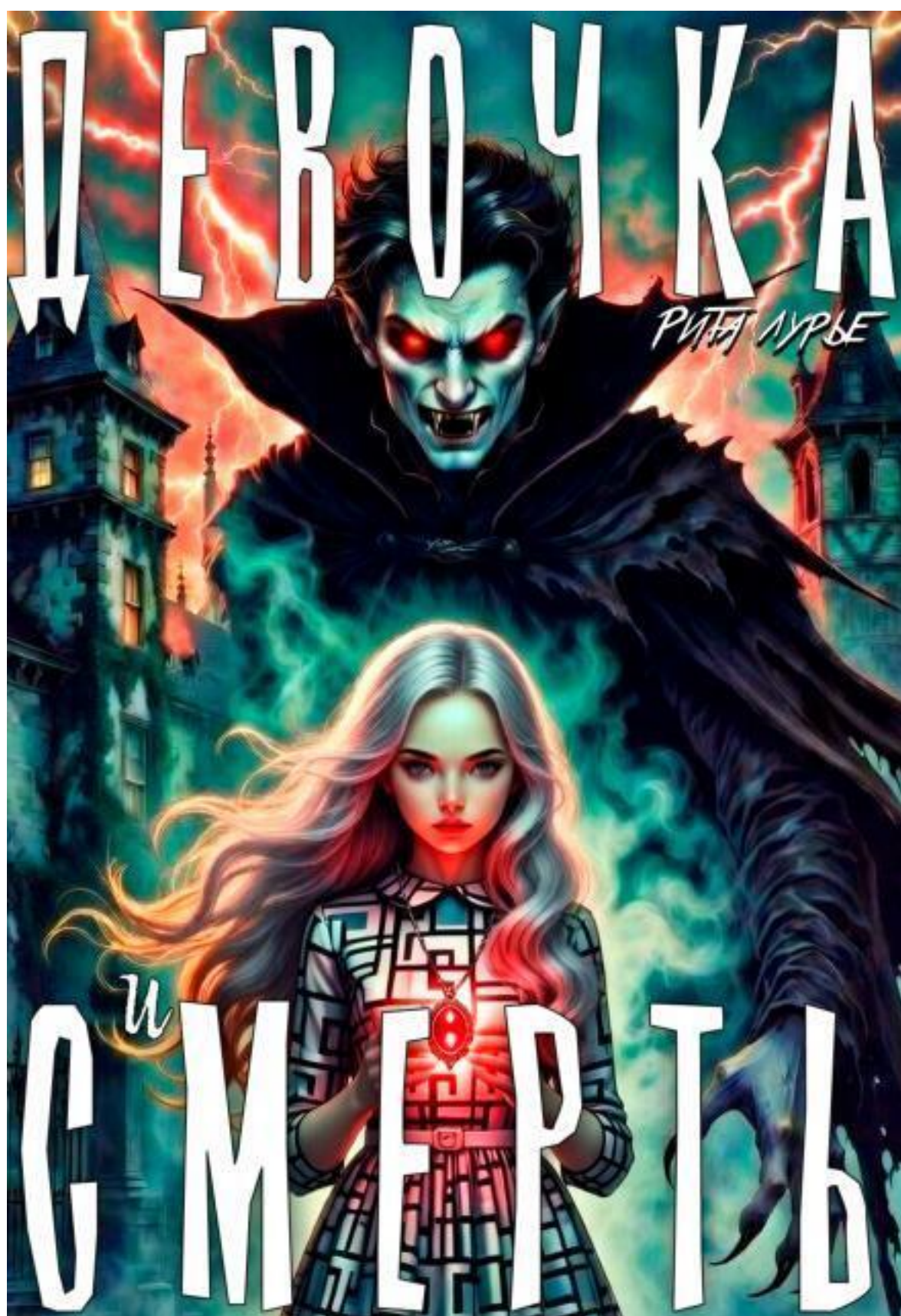

Рита Лурье

Девочка и смерть

«Литнет»

2024

Лурье Р.

Девочка и смерть / Р. Лурье — «Литнет», 2024

Лорейн Рэдгрейв наследует фамильный особняк и вампира, пленённого её легендарным предком Абрахамом Ван-Хельсингом. Вампир Эйден обязан вечно служить потомкам великого охотника и защищать их – от себе подобных и от других людей. Лорейн юна и одинока, и могущественный вампир становится не только её слугой, но и единственным другом. Постепенно чувства Лорейн принимают другой оттенок. Увы, мёртвое сердце вампира не способно ответить взаимностью на любовь живой девушки. А когда приходит время Лорейн продолжить дело предков-охотников, она должна сделать выбор: отказаться от запретных чувств или найти способ вернуть Эйдена к жизни.!

«Девочка и смерть» является приквелом трилогии «Доппельгангер», но может читаться и как самостоятельная история. Первая часть трилогии: Вторая часть трилогии: Заключительная часть трилогии:

© Лурье Р., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Глава первая.	5
Глава вторая.	11
Глава третья.	26
Глава четвертая.	32
Глава пятая.	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Глава первая.

- But who is that on the other side of you?

T.S. Eliot

Дождь нещадно лупил по стеклам, размывая пейзаж за окном в мутное серо-зеленое полотно. Казалось, что мир снаружи перестал существовать; остался только этот дом – как Ноев Ковчег, как остров, дрейфующий в пустоте. Древние стены вздымались графитовыми скалами, но на остроконечных готических шпилях вили гнезда не чайки, а ласточки. Лорейн видела чаек только на картинках и имела смутное представление об их реальном образе, ведь никогда не бывала на море. Оно плескалось на страницах отцовских книг, где отчаянные, храбрые путешественники бороздили просторы в поисках других, далеких стран и берегов. Увы, книги отца были замурованы за семью замками, а сам он ныне покоился в земле.

Без него, запертая в особняке, отрезанном от мира стеной непогоды, Лорейн чувствовала себя мореплавателем, потерпевшим кораблекрушение. И ей катастрофически не повезло с товарищами по несчастью. Чужаки чувствовали себя в доме по-хозяйски, а она – истинная, законная наследница стала пленницей своего родового гнезда.

Дядя Клиффорд провозгласил себя опекуном бедной сиротки, но даже пятилетняя девочка была способна понять, что является лишь досадным дополнением к наследству, перешедшему к мужчине от почившего старшего брата. Тетушка Присцилла, во время похорон картинно обливавшаяся слезами об участи «несчастной малышки», сразу же позабыла о существовании племянницы, стоило женщине ступить на древнюю землю поместья. Теперь тетю больше беспокоили непосильно-трудный выбор новых обоев и мебели в хозяйскую спальню, по последней моде, и частые простуды, постигшие ее, не привыкшую к холодному, сырому климату. Обосновавшись в особняке, новые опекуны мигом позабыли о девочке, шедшей к нему в дополнение. Она стала чем-то вроде маленького, безобидного привидения, что по слухам, часто обитают в старых британских домах с богатой историей. Ей интересовались только кузены, но в гробу Лорейн видала их внимание.

Она предпочитала прятаться от вездесущих братьев в окрестностях дома, блуждая по мшистым лесам и болотам, но сегодняшняя буря отрезала ей последний путь к отступлению. Близнецы Тайлер и Майлз были старше Лорейн на четыре года, хотя при этом каким-то невыносимым образом отставали от кузины в развитии и являли собой безрадостный образчик деградации, невоспитанности и избалованности. В отличие от пятилетней девочки, стараниями отца уже умевшей читать и писать, отдававшей должное спокойному времяпровождению с книгой, близнецы целыми днями носились по дому, своими подвижными играми и проказами нанося сокрушительный урон остаткам его некогда великолепного убранства. Мальчики были жестоки в своей безнаказанности. Кузину они воспринимали исключительно как куклу для битья, что вынуждало Лорейн всячески избегать столкновений с ними. Ей не хотелось становиться жертвой их причудливых, злых забав. В последний раз, когда под давлением тети Присциллы, Лорейн согласилась «поиграть» с братьями, толи Майлз, толи Тайлер «в шутку» отрезал ей косу. Тетя не осудила сына за этот поступок, оправдывая его наивным детским любопытством, а после сама, неаккуратно и грубо, остригла девочке оставшиеся волосы. Глядя в отражении на довольное лицо Присциллы, орудующей ножницами над ее головой, Лорейн предположила, что тетя, наверное, страшно ее ненавидит. Как ненавидела ее отца. И ее мать.

Лорейн слышала разговоры дяди и тети за закрытыми дверьми. Джеральд Редгрейв был белой вороной; позором семьи, чудачком, верящим в старые сказки, вурдалаков, фэйри и прочую невыносимую мистическую ерунду. Дядю Клиффорда страшно злило, что брат по праву старшинства унаследовал и состояние, и землю, чертово «родовое гнездо», которое, в действительности, никаким родовым гнездом не являлось. Отец рассказывал Лорейн, что прапрадед

выкупил это поместье у обедневших, промотавшихся аристократов, так что никаких лордов и леди в их роду не водилось. Дядя Клиффорд и его жена считали иначе. Они воображали себе какую-то несуществующую голубую кровь. Им нравилось задира́ть носы, рассевшись в этом старом, дряхлом доме, и смотреть на окружающих свысока. Присцилла с удовольствием рассуждала, как пристроит сыновей в Итон или иное «достойное» юных принцев учебное заведение. Лорейн посмеивалась про себя – отец учился в Итоне, а потом в Кембридже, потому она имела представление о планке качества в таких местах. Отец знал пять иностранных языков и имел докторскую степень, он был чертовски умен, начитан и эрудирован. Кузены в свои неполные десять лет плохо читали даже по-английски и писали с ошибками.

В эту самую минуту «юные принцы» лупили чем-то тяжелым в дверь спальни Лорейн, где она надеялась укрыться от их общества и переждать бурю. Старая древесина жалобно скрипела от ритмичных, частых ударов, а со стены над ней сыпалась отпавшая из-за сырости штукатурка.

– Лорейн! Лорейн! – по очереди вопили братья и их голоса сливались в один, ведь девочка так и не научилась их различать, настолько они были похожи, – открывай, мелкая ты гадина! Мы придумали новую игру, нам нужен третий человек! Эй, мам. Мам...

По паркету прошелкали каблучки тети Присциллы. Ее царственная поступь стихла у двери, и Лорейн, даже не видя ее, легко представила себе надменное, вечно чем-то недовольное лицо тети, остренькое, как у лисицы, обрамленное тугими колечками химической завивки.

– Что такое, дорогие? – сейчас, вероятно, наманикюренная длань женщины любовно поглаживала лохматые вихры мальчишек.

– Лорейн там заперлась! Пусть откроет! – капризно протянул толи Майлз, толи Тайлер, – мааам. Ну мам.

Тетя Присцилла недовольно прищелкнула языком и забарабанила по двери костяшками пальцев. Ее массивные, вычурные кольца задребезжали о дверь.

– Лора? Что с тобой? Зачем ты закрыла замок? Ты забыла, что он заедает? Нам придется вызывать мастера. Лора? Ты этого добиваешься? Кто будет платить за его услуги? – крикнула женщина, заставив Лорейн скривиться от чуждой ее слуху формы имени. Она спокойно, холодно воспринимала его полную версию, но такое сокращение, отчего-то особенно пришедшее по вкусу тете Присцилле, всегда воспринимала в штыки. Отец звал ее Лори. Мама... Лорейн уже не помнила, в ее памяти отпечатался лишь нежный, мелодичный голос, певший ей колыбельные, заунывно читавший стихи о грозовых ночах и разбившихся о скалы кораблях. Обезличенный. Призрачный. Мама уплыла далеко, растворилась «в той стране, где вечно сны». А тетя Присцилла была здесь и настойчиво требовала к себе внимания.

– Лора! – в голосе тети прорезались визгливые нотки, как бывало всегда, когда она выходила из себя. Лорейн сдалась и щелкнула замком.

– Я просто хотела посидеть здесь и почитать, – оправдываясь, сказала она. В нее вперилось три пары одинаковых глаз. Близнецы пошли в тетю – капризными интонациями, огромными подбородками на пухлощеких лицах и водянистыми, крысиными глазками. В них никак не проявились гены Редгрейвов, наградившие дядю далеким, почти неуловимым сходством с отцом, от которого у Лорейн щемило на сердце. Иногда, когда свет падал на дядю Клиффорда определенным образом, девочке чудилось, что она смотрит на отца. В кузенах не читалось и тени сходства. Ни с дядей, ни с отцом, ни с ней самой.

– Что за глупости? – проворчала тетя Присцилла, забирая у девочки из рук книгу, – это не для ребенка. Отец тебя испортил этими ужасными книжками. Тебе надо больше времени проводить со сверстниками, – подчеркнула она, имея в виду именно «маленьких принцев».

Лорейн вздохнула. Она сразу заметила толстую, грубую веревку, что держал в руках один из братьев. Ей страшно было даже думать, что за блестящая идея посетила эти ясные головы на этот раз, хотя она и понимала, что ей придется это узнать. Ощутить на собствен-

ной шкуре. Близнецы тут же проникли в ее комнату и теперь деловито оглядывали скромное убранство. Тетя, убедившись, что девочке некуда бежать, оставила их втроем.

– Зачем это? – спросила Лорейн, указывая на веревку в руках толи Майлза, толи Тайлера. Мальчишки переглянулись и улыбнулись друг другу, чрезвычайно довольные своей находчивостью.

– Будем играть в Дэвида Копперфильда, – сказал тот, что стоял справа, без веревки. Второй энергично покивал, но, не заметив на лице девочки должного воодушевления, недовольно поджал губы.

– Будет весело, – с напором сказал он.

– Да-а-а? – Лорейн покосилась на окно, умытое дождевой водой. Она задумалась, получится ли у нее улизнуть. Если она промокнет до нитки и заработает воспаление легких или туберкулез, от которого так часто люди умирали в книгах, то воссоединится со своей настоящей семьей. Новая семья ей не нравилась.

– Да, – подтвердил близнец с веревкой, – ну чего ты, еще дуешься из-за волос? Мы тебе самую главную роль определили.

– Что надо будет делать? – спросила девочка.

– Мы тебя свяжем, – с готовностью ответил второй брат, – а тебе надо будет освободиться, как это делал Дэвид Копперфильд. Из подвала.

Лорейн вздрогнула. Ей показалось, что она уже там – не в подвале, а на улице, стоит под дождем и ледяная вода стекает ей за шиворот. Она зябко обняла себя за плечи и потянулась к медальону на шее, последнему подарку отца. Он отдал его ей накануне своей гибели. В особо неприятные моменты девочка инстинктивно теребила безделушку в руках, чтобы хоть немного совладать с собой.

В ее прежней беззаботной жизни существовало единственное «нельзя». Отец строго-настрого запрещал ей ходить в подвал. Лорейн любила отца, она была послушной девочкой и ей не приходило в голову ослушаться его даже ради того, чтобы утолить любопытство. Отец чувствовал себя виноватым за этот запрет, но убеждал дочь, что ввел его во имя ее блага и безопасности. Он говорил, что во тьме подвала *прячется зло*. Возможно, Джеральд Редгрейв и правда был сумасшедшим, раз верил в старые сказки и выдумывал подобные вещи. Лорейн не проверяла. До этого дня.

– Я не пойду в подвал, – холодея, возразила она.

– Пойдешь, – сказал толи Майлз, толи Тайлер, – иначе ты трусиха.

– Пойдешь, – поддакнул второй брат, – иначе мы сожжем все твои книжки.

Отец мертв – напомнила себе Лорейн, и, вероятно, его запреты больше не имеют силы. В любом случае, выбора у нее не было. Если на одной чаше весов громоздилась перспектива быть съеденной какой-то там зловещей сущностью из подвала, а на другой лишение последнего лучика света в темном царстве ее жизни, то Лорейн предпочла бы первое. Избавление. Ее мнение все равно не учитывалось.

Довольно хихикая, братья втолкнули девочку в темноту. Скачущий лучик фонарика вырвал из мрака косые каменные ступени, и погас, отрезанный громогласным хлопком закрывшейся двери. Подгнившее, но все еще крепкое и монументальное дерево скрыло Лорейн от похрюкивающих от смеха близнецов и грохота тяжелого амбарного замка. Девочка искренне недоумевала – как кузены вообще сумели открыть его, где раздобыли ключ. Отец хранил его в секретном месте, недоступном ни для дочери, ни для любой другой живой души. Изредка, раз в год, отец сам спускался туда, предварительно убедившись, что Лорейн закрыта в ее комнате и не выберется оттуда, чтобы составить ему компанию. После он всегда сидел допоздна у камина со стаканом виски, пил маленькими глотками и смотрел в огонь, пока от него не оставались лишь тлеющие угли. Или экономка, или Лорейн, найдя его на утро в том же кресле, укуты-

вали продрогшего мужчину теплым пледом и высвобождали бокал из скрюченных пальцев. Его взгляд был мутным и отсутствующим. Чтобы ни таилось там, в темноте, оно оставляло на лице отца глубокие морщины. Отнимало частичку его души.

Лорейн не знала, как снять веревки, а связали ее довольно крепко. Ей удалось худо-бедно высвободить из пут запястье, чтобы нащупать холодную, покрытую изморосью стену рядом с собой. Двигаясь маленькими шажками, она начала спуск в преисподнюю, пока ее пальчики не уткнулись в углубление в каменной кладке. Лорейн питала слабую надежду отыскать включатель, хотя догадывалась, что в подвал так и не провели электричества. Этот дом сильно устарел – проводка была даже не во всех комнатах, а водопровод и система отопления нуждались в ремонте добрых полвека. Отец был слишком увлечен своими исследованиями, чтобы обращать внимание на такие мелочи, к тому же он считал, что вторжение цивилизации лишит здание его исторического облика. Сейчас Лорейн была бы благодарна ему за менее консервативный взгляд на вещи.

Она погладила пальцами углубление, изучая его, чтобы отвлечься от нарастающей тревоги. Пересекающиеся линии ничуть ее не успокоили, а в подвале было еще и ужасно холодно. Девочка уже почти не чувствовала своих ног, как и второй руки, туго прижатой к телу веревкой. Чтобы разогнать кровь, она двинулась дальше, навстречу тьме.

Ступени резко оборвались ровной поверхностью, и Лорейн едва удержала равновесие. Взмахнув свободным запястьем, она кое-как устояла на ногах. Ноздри наполнились запахом сырости. Воздух был ледяным, но, как ни странно, свежим, словно где-то здесь была форточка или источник сквозняка. Девочка припомнила все книжки, в которых старинные дома были оснащены системами потайных ходов и подземных туннелей; катакомбами первых христиан и зловещими подземными святилищами язычников. Многообещающе, но ее вполне бы устроил и просто проход, ведущий куда-то подальше от дома, оккупированного дядей и его семьей. Мысль об этом помогла Лорейн взбодриться. Она решительно пошла вперед, удивляясь, что зрение так и не адаптировалось к отсутствию освещения.

Темнота была абсолютной, словно девочка совсем лишилась способности видеть. Густой. Обволакивающей. Почти уютной. И в ней что-то было. От ощущения незримого присутствия мелкие волоски на руках встали дыбом. Лорейн остановилась.

– Кто здесь? – тихо позвала она, испугавшись звука собственного голоса.

Прекрати – сказала она себе. Отец умер, а вместе с ним все его сказки, легенды и предания. Это просто пустой, темный подвал, где дядя Клиффорд планирует устроить винный погреб, как только закончит с ремонтом других помещений дома. Зачем ты стоишь здесь и разговариваешь с *темнотой*? Иди наверх, стучи к дверь, умоляй выпустить тебя. Пусть братья делают все, что им вздумается. Плачь, взывай к состраданию. Поклянись, что будешь хорошей. Такой, какой тебя хотят видеть. Что ты забыла здесь, малявка? Кто ты, черт возьми, такая? Где *хозяин*?

– Ой, - обронила Лорейн, обнаружив, что голос в голове вовсе не похож на ее собственный, да и звучит не безликим тексом в черепной коробке, а будто доносится снаружи. И внутри и снаружи.

Ты одна из них. Плоть от плоти. Кровь от крови. Я слышу, как она пульсирует, как маленькое птичье сердечко гоняет по венам и артериям древнюю, могущественную кровь. Ты пахнешь также, как и все они. Так где он? Где хозяин?

- Кто здесь? – повторила Лорейн. Чтобы хоть немного успокоиться и совладать с собой, она попыталась выудить из памяти что-то хорошее, светлое воспоминание об отце или матери. Но перед глазами, погрязшими во мраке, почему-то ожило совсем другое изображение – похороны матери, глубоко запавшие в душу девочки своей неправильностью, несоответствием. Отец плакал, бесконечно повторяя «Моя леди Шалот, моя Моргана, моя Кассандра...», а яркие солнечные лучи отражались в лакированной крышке гроба. И Лорейн, сжимавшая его руку,

подумала, что на похоронах должен идти дождь, а не светить яркое солнце. Она была слишком юна, чтобы вникнуть в причину скорби отца и испытывала лишь недоумение. Она не понимала, что такое смерть. Не понимала и теперь, отдав земле последнего близкого человека. Она принимала смерть, как данность. Смерть поцеловала ее.

Дитя, поцелованное смертью, вот, кто ты такая. Значит, его больше нет. Ты пришла, чтобы освободить меня. Подойди. Подойди. Иди ко мне, дитя. Сними печать. Я утешу тебя. Я накажу всех твоих обидчиков.

Лорейн затрясла головой, не имея возможности зажать уши руками, спрятаться от голоса, становящегося все отчетливее, все громче, словно говоривший стоял подле нее. Но рядом никого не было – холодный воздух оставался неподвижным, окутывая девочку промозглым коконом со всех сторон.

– Лишь видит в зеркало она, Видения мира, тени сна, - услышала она.

– Мама, - воскликнула она, с легкостью опознав интонацию и певучую, мягкую манеру говорить. Мать всегда говорила, словно читала заклинания. Лорейн не сомневалась – мама здесь, в этом подвале. Не ее ли прятал отец от всего мира, провозгласив мертвой? Но зачем? Тетя и дядя говорили правду? Он и правда был сумасшедшим?

– Да, милая, - подтвердил голос, - это я. Я заперта здесь, в этом ящике. Освободи меня и мы всегда будем вместе.

– Что мне нужно сделать? – спросила Лорейн. Шаг за шагом, она бороздила тьму, пока не наткнулась коленками на какое-то препятствие. Не имея возможности рассмотреть, она принялась ощупывать его единственной более-менее свободной рукой. Подушечки пальцев обжог холод камня. Девочка подумала, что перед ней надгробие и отпрянула в сторону.

– Сотри печать, - подсказала мать, - она на крышке.

– Крышка, - беспомощно повторила Лорейн, и, преодолевая страх, парализующий все конечности, извернулась так, чтобы снова прикоснуться к камню. Она не сразу нашла то, что мать назвала печатью и могла лишь догадываться, что достигла цели, обмокнув пальцы в непонятную липкую субстанцию. Энергично орудуя ладонью, девочка стерла странную жидкость и отодвинулась. Она больше не могла сохранять вертикальное положение, ноги не держали ее, и она опустилась на корточки рядом с плитой. Она слишком устала. Она закрыла глаза. Ей оставалось только ждать.

Яркий красный свет пробился даже через сомкнутые веки. Лорейн распахнула их, изумленно уставившись на свечение, вырывающееся из широкой трещины, образовавшейся в плите. Прореха становилась все шире, а свет все насыщеннее. Теперь девочка могла видеть не только его, но и окружающую обстановку – каменные стены, блестящие от влаги, сводчатые потолки, куда более древние, чем сам дом и окружающие его леса и деревни. Этот подвал, кажется, был здесь всегда, еще до того, как люди построили свои первые города, храмы, положили дороги, научились возделывать землю. Первобытный, первозданный, как сама ночь, как легенды и сказки отца. Как фигура, огромная, черная, массивная, вырастающая столпом дыма из открывшегося саркофага.

Создание, выбравшееся оттуда вовсе не являлось матерью Лорейн. Его красные глаза хищно изучали испуганную маленькую девочку на каменном полу.

Оно расправило широкие плечи, хрустнуло суставами пальцев, переходящих в длинные, острые когти, и повело носом, втягивая в себя сырой воздух, пропитавшийся страхом девочки, давшей свободу тому, что слишком долго таилось во тьме.

– Так то лучше, - сказала оно и потянулось к Лорейн мертвецки-бледной рукой, - окажешь мне еще одну услугу? Я порядочно проголодался, пока был взаперти.

Крик задушенной птицей рвался из горла девочки, но не мог пробиться через сжавший ее спазм. Она крепко зажмурилась, готовясь проститься с жизнью и отправиться к матери и отцу. Теперь Лорейн пожалела, что усомнилась в здравомыслии отца, что утратила веру в его

сказки и предания. На ее глазах самый кошмар обрел плоть. Отец не просто так запрещал спускаться в подвал.

Но ничего не произошло. Лорейн открыла глаза и увидела, что когтистая рука чудовища зависла над ее грудной клеткой, не осмеливаясь притронуться к медальону, выбившемуся из-под воротника платья.

– Он успел передать его тебе, - разочарованно прошелестело создание. Оно вдруг опустилось перед девочкой, склоняя голову в поклоне, разом перестав быть таким зловещим и угрожающим. Мрак отступил. Создание сказало:

– Приказывайте, *госпожа*.

Глава вторая.

Она в последний раз скользнула взглядом по стенам. Даже с закрытыми глазами она могла восстановить каждую трещинку и неровность на штукатурке, ведь знала их наизусть.

Лорейн ненавидела эту комнату, но с удивлением отметила какое-то неприятное, сосущее чувство, сродни тоски. Она где-то читала, что человек способен привязаться даже к собственной тюрьме и впоследствии ностальгировать по годам заточения. Тюрьма – подходящее слово, подумала она. Десять лет заключения в одиночной камере подошли к концу.

Прощайте, стены. Прощай, камера.

Лорейн определили в эту комнату в первый же год пребывания здесь, и, пожалуй, она не жаловалась. Остальные девочки ютились по шесть человек в спальнях, распределенные в соответствии с возрастом. Они делились секретами, натянув одеяло на голову, поедали тайком раздобытые сладости; они засыпали под храп и шепот соседок по комнате. Но секреты Лорейн оказались слишком зловещими, а ее ночные крики мешали другим ученицам. Администрация школы быстро оставила попытки поправить ситуацию с помощью успокоительных и рассудила, что проще засунуть девочку сюда, подальше от остальных – в помещение, прежде служившее гостевой спальней для родителей, пожелавших задержаться во время визитов. Желающих не было. Как правило, дети здесь были предоставлены сами себе. Их ссылали с глаз подальше под любым благовидным предлогом.

Десять лет назад такой нашелся и для Лорейн. Им стал тот злосчастный спуск в подвал, о котором девочка старалась забыть все минувшие годы, но почти каждую ночь возвращалась туда в кошмарах, ставших причиной ее изоляции. Тетя Присцилла вцепилась в подвернувшуюся возможность и легко переманила на свою сторону и дядю Клиффорда, не высказавшего особых возражений. «Бедной девочке трудно в доме, где все напоминает ей об умерших родителях. Школа-пансионат стала бы отличным решением и лекарством для маленькой больной души» - авторитетно заключила тетя, разумеется, с огромной заботой о любимой племяннице. И Лорейн вышвырнули из ее родного дома, как ненужную вещь, как антикварный хлам с чердака, как старый чемодан отца. С этим чемоданом Джеральд Редгрейв объездил полмира, собирая фольклор в разных уголках земного шара, пока в глухой ирландской деревушке не встретил свою леди Шалот. Джеральд и его речная дева покоились в земле, а чемодан стоял возле ног Лорейн, дожидаясь, когда девочка вдоволь простится со старой жизнью, заключенной в этих стенах. Таможенные бирки и наклейки на боках совсем истрепались, а кожаная оплетка с ручки стерлась и обнажила металл, холодивший девочке ладонь.

Автомобиль у ворот школы вызвал заметное оживление среди учениц. Лорейн была уверена – все девочки, чьи окна выходят во внутренний двор, сейчас толпятся у подоконников, гадая, кого же внезапно почтили своим вниманием ненаглядные родственники. Она также знала, что ответ на этот вопрос спровоцируют бурную реакцию, а наивное любопытство, смешанное с воодушевлением, быстро сменится неприязнью. Ей пришлось основательно подготовиться к триумфальному шествию до машины под прицелом сотни пар глаз. Никто из девочек не решился бы открыто выразить свое мнение о скромной персоне Лорейн, остерегаясь выговора от воспитательниц, но взгляды девочек, встреченных ей по пути, кнутами ударились в незащищенную спину.

Конечно, не трудно было догадаться, о чем они думают. «Чертова психопатка», «маленькая дрянь», «белая крыска», «мерзкая альбиноска» - у Лорейн был достаточно хороший слух, чтобы примечать ядовитые шепотки за спиной, стоило ей войти в класс, душевую или столовую. И, самое обидное, несправедливое, поставившее последнюю точку в ее пребывании здесь – «воровка».

Она прошмыгнула на заднее сидение, остерегаясь даже смотреть на хмурого, утомленного долгой дорогой дядю, но тут же завертелась, чтобы еще раз взглянуть на здание, где провела десять лет жизни. Потемневший от времени кирпич и полное отсутствие каких-либо украшений на фасаде делали его по-монашески строгим. Порядки здесь царили вполне достойные монастыря, хоть девочкам и давалось условно светское образование. На самом деле их готовили к единственному, на что они, по мнению учителей и сославшей их родни годились – скоропостижному замужеству.

Прощайте, уроки вязания и шитья – со злостью подумала Лореин, продолжая про себя: Прощайте, холодный кафель пола в душевых и зеркала с позеленевшей амальгамой; прощайте противные запахи кислой капусты и переваренного риса в столовой. Прощайте, запреты и правила. Прощайте, стены и окно, из которого видно краешек леса. Прощайте, мечты о побеге. Здравствуй, свобода.

Надолго ли?

Багажник проглотил отцовский чемодан с немногочисленными пожитками девочки. Дядя хлопнул дверцей машины и занял водительское место, по пути бросив что-то племяннице. Лореин никак не отреагировала, поглощенная сентиментальным порывом, она пропустила слова мимо ушей.

Клиффорд не сразу решился заговорить, но заметно нервничал. Его мощные руки в пижонских перчатках без пальцев до скрипа кожи стискивали оплетку руля. Со своего места Лореин видела только их, да краешек дядиной поседевшей головы. Серебро волос не придавало ему сходства с отцом, дядя неумолимо лысел. Сквозь аккуратно зачесанные светлые пряди проглядывали некрасивые проплешины. Но серебро придавало им хоть немного сходства.

Лореин подцепила краешек своей косички, поднося к лицу, словно видела его впервые. Обычно она избегала глядеться в зеркало, чтобы не наткнуться взглядом на эту свою особенность, но сейчас она стала крошечным мостиком между ними. Единственной общей чертой. А им, вероятно, предстояло провести какое-то время вместе, пока тетя Присцилла не подыщет для неудобной племянницы новое место ссылки. Наивно было рассчитывать на внезапное проявление теплых чувств со стороны родственников, но Лореин надеялась хотя бы для себя самой найти веский повод не испытывать к ним острой неприязни.

Она стала такой *в тот день*. Девочку нашли в подвале уже абсолютно седой. У докторов, осматривавших Лореин после приключившегося с ней обморока, не нашлось иного объяснения, кроме сильного потрясения, но словам пятилетнего ребенка, разумеется, никто не поверил. Никакого жуткого создания в подвале не обнаружилось, а на месте, где Лореин видела саркофаг, лежала лишь груда обломков. Сквозь морок успокоительных препаратов девочка слышала голос дяди Клиффорда, заверявшего ее, что он уже распорядился вывезти «этот мусор» куда-нибудь подальше от дома, проигнорировав возможную историческую ценность древних камней. «Тебе нечего бояться, малышка» - говорил дядя непривычно ласково, - «там ничего нет». Но Лореин не верила. Ее ночи были полны кошмаров и мрачных ведений, где ей снова и снова мерещились рубиновые глаза и шепот, проникающий в разум. Новость о собственной ссылке она встретила без восторга, но с облегчением. Уже тогда девочка понимала, что в школе ей будет спокойнее. Лишь вдали от особняка она сможет уверовать в слова дяди Клиффорда, пусть на это и понадобится время.

Там ничего нет. Ты все придумала.

У Лореин было десять лет. Чем старше она становилась, тем крепче делалась ее убежденность, что произошедшее в подвале – плод ее разыгравшегося воображения. Она была напуганным маленьким ребенком, тяжело переживавшим утрату. Немудрено, что вдохновившись преданиями, которыми бредил ее отец, Лореин нарисовала себе ту фантазмагорическую картину. Джеральд Редгрейв, бесспорно, был сумасшедшим, он плохо влиял на свою малолетнюю дочь, забивая ее голову всякой мистической чепухой. Он жил в выдуманном мире. Он ускольз-

нул в свою страну фей и кошмаров, оставив Лорейн разбираться с миром реальным. Хочет она или нет – ей придется стать нормальной. Насколько это возможно.

Она инстинктивно потянулась к воротничку платья, но не нащупала на прежнем месте цепочки амулета.

– Тебе даже идет, - вдруг сказал дядя Клиффорд, чуть сместившись, чтобы взглянуть на племянницу в зеркало заднего вида, - так ты похожа на свою бабушку.

Лорейн не совсем поняла, что он имеет в виду, но предположила, что речь идет о ее волосах. Куда больше ее удивил не сам комментарий, а отсутствие осуждающих интонаций в голосе дяди. Она заметила также, как дрогнули в легкой улыбке мышцы его щеки.

– Да? – осторожно уточнила девочка.

– Ага, - кивнул дядя, - у нее были светлые волосы. Кстати, - спохватился он и завожился, шаря по карманам пиджака одной рукой, - она тоже его носила.

Девочка изумленно моргнула, уставившись на медальон, такой крошечный в огромной лапше Клиффорда. Она поторопилась забрать безделушку, пока он не передумал.

– Спасибо, - выдавила Лорейн, - так ты... не сердись?

Дядя рассмеялся.

– Ну... - протянул он, - признаться, когда мне позвонила ваша директриса, я помчался в школу с намерением устроить тебе основательную взбучку. Но... Еще бы я не узнал эту штуку! Мать запрещала нам ее трогать. Мы с братом стали просто-таки одержимы, как бы ее стащить.

Он резко помрачнел. Лорейн застегнула маленький крючок, засунула медальон под одежду, и, облегченно выдохнув, откинулась на сидении. Она знала, что воспоминания о брате не доставляют Клиффорду удовольствия, но, возможно, он с куда большей теплотой возвращался к временам, когда они были детьми и не имели разногласий из-за наследства.

– Ты не считаешь меня воровкой, - озвучила девочка.

– Нет, - заверил дядя и на этом разговор иссяк. Между ними по-прежнему лежала непреодолимая пропасть, но теперь молчание стало чуть менее неловким.

Лорейн скривилась, припомнив обстоятельства, предшествовавшие этому разговору и ее возвращению домой. И пусть с медальоном на шее она чувствовала себя куда спокойнее, эта вещица приносила девочке одни неприятности. Ее давнишние видения в подвале и рядом не стояли с некрасивым скандалом и обвинением в воровстве. Какова эта гадина, Хелен! Будучи старше, крупнее и авторитетнее, она отобрала у Лорейн медальон, на который давно положила глаз, предварительно отгасив девочку за седые косы. Слишком маленькая и худая Лорейн была просто не в состоянии оказать ей достойный отпор. Она вознамерилась тихонько забрать медальон днем, пока Хелен на занятиях, но попалась. Ее оклеветали лишь за то, что она хотела вернуть себе украденное! Думая об этом, Лорейн заерзала на сидении. Руки сами с собой сжались в кулаки. Конечно, голос придуманного создания в подвале смог легко одурманить ее обещанием защиты. Она устала быть слабой и беспомощной.

Подвал... при виде дома, замаячившего впереди ветрового стекла, злость мигом схлынула, сменившись тревогой. Скорее всего, за минувшие годы тетя Присцилла основательно приложила руку к ремонту особняка, но его внешний фасад остался неизменным – мрачным и величественным. Он внушал трепет и будто скалился темными провалами окон. Над его башнями и шпилями, пронзавшими хмурое, низкое небо, по-прежнему кружились птицы, имевшие привычку вить гнезда под коньком крыши.

Лорейн не решалась войти в дом первой и топталась у автомобиля, дожидаясь, пока дядя достанет из багажника ее чемодан.

– Иди-иди, - Клиффорд всучил девочке поклажу и мягко подтолкнул ее в спину, - соскучилась поди.

– А ты?

– Мне нужно загнать машину в гараж.

– О, - обронила девочка. Прежде никакого гаража в доме не было, и она попыталась отвлечься на догадки, какую из старых построек переоборудовали для этих нужд. Увы, с каждым шагом ноги становились все неповоротливее, а чемодан тяжелее, будто жалкие пожитки Лорейн в дороге кто-то подменил кирпичами. Обломками того саркофага.

Она сделала глубокий вдох и толкнула тяжелую дверь, готовясь провалиться в темноту. Но в холле оказалось светло, куда светлее, чем на улице. Лорейн не успела толком даже осмотреть перемены в убранстве, ослепленная вычурной люстрой под высокими сводами потолка. Как только зрение чуть адаптировалось, на девочку нахлынул ужас – она словно попала в огромный кукольный домик. От беспорядочного узора на обоях зарябило в глазах, а уродливые современная мебель и вычурный декор окончательно дополняли впечатление декорации для фильма ужасов. Лорейн не узнавала родной дом.

Она так увлеклась своими невеселыми открытиями, что не сразу заметила, что находится здесь не одна. Переведя взгляд, Лорейн вздрогнула от неожиданности, обнаружив рядом с собой незнакомого мужчину. Он протягивал к ней ладонь, затянутую в белую перчатку, явно намереваясь забрать из ее рук чемодан.

В своих перчатках, старомодном черном костюме и наглухо застегнутой рубашке, незнакомец казался здесь таким же неуместным, как и сама Лорейн в ее скромном сером платье. Как будто он материализовался сюда прямо со страниц викторианских романов, которыми тайком зачитывались другие воспитанницы школы.

– Мисс?

Она лишь крепче сжала ручку чемодана, теряясь с ответом. К огромному везению Лорейн в ее поле зрения быстро нарисовалась и тетя Присцилла. Женщина издала театрально-восторженный вздох, и внезапно стиснула племянницу в объятиях, искупав в удушающем, сладком аромате парфюма.

– Бедная моя девочка! – запричитала тетя, энергично поглаживая Лорейн по голове и плечам, - Что тебе пришлось пережить! Клиф мне позвонил, все рассказал! Это невыносимо! Они поплатятся за оскорбление, нанесенное нашей семье! Я была уверена, что это достойное учебное заведение, а не какая-то богадельня! Я всем расскажу! Все узнают, помани мое слово!

Выговорившись, она наконец-то выпустила Лорейн из своих смертоносных объятий и всплеснула руками. Поймав вопросительный взгляд племянницы, она покосилась на незнакомца, молча наблюдавшего за разыгранным тетей представлением.

– А, - сказала тетя Присцилла, - познакомься, Лорейн. Это – наш дворецкий, Кристофер Грэнхолм. Мы же приличная семья, приличным семьям полагается чтить традиции, не правда ли? Ну что ты вцепилась в этот ужасный чемодан? Пойдем скорее, я покажу тебе дом! Я так его облагородила!

Лорейн послушно отдала чемодан дворецкому и побрела за тетей. Лишь у дверей, ведущих в столовую, она задержалась и позволила себе осторожно покоситься в сторону мужчины. Он все еще стоял там, провожая их взглядом непроницаемых черных глаз, темный, элегантный и чужеродный сюрреалистичной в своем безвкусицы обстановке.

Дворецкий, - повторила про себя Лорейн, все больше сомневаясь в психическом здоровье тети Присциллы. Конечно, она могла заблуждаться, но, по словам отца, дядя Клиффорд всегда зарабатывал куда меньше, чем тратил; а фамильного наследства едва хватало, чтобы покрыть запланированный его супругой грандиозный ремонт. Откуда средства? Что-то здесь было не так. В лучшем случае – скоро сюда явятся кредиторы, чтобы конфисковать особняк за семейные долги. В худшем...

Лорейн приказала себе остановиться. Она десять лет училась быть нормальной. И она здесь на птичьих правах – не ей беспокоиться о подобных вещах. Благожелательность Присциллы быстро иссякнет, и тетя сошлет девчонку в какую-нибудь новую школу. И спасибо. Куда угодно. Подальше от того уродства, в которое превратился некогда прекрасный дом.

Лорейн оказалась права: обожание тети Присциллы продлилось недолго. Первое время женщина с азартом игралась в племянницу, как ребенок в новую куклу, а девочка покорно терпела, гадая, когда же тетя обратит внимание на что-то другое. Тетя была неистова в своих порывах – и в сожалении, что «послушалась советов каких-то дураков и выбрала бедняжке ужасную школу», и во внезапно вспыхнувших материнских чувствах. Проявлялись они самым досадным образом: в навязчивом стремлении тети наряжать Лорейн в вещи не менее безвкусные, чем новая мебель; бесконечно перебирать, расчесывать и укладывать ее белоснежные локоны; трещать без устали о покупках и модных тенденциях, задавать бестактные вопросы и, конечно, преследовать объект своей одержимости по пятам. Заслышав, что на выходных планируется визит близнецов, Лорейн выдохнула облегченно, ведь тетя тут же переключилась на организацию «маленьким принцам» достойного приема.

Первое, что сделала девочка, оказавшись избавленной от навязчивого общества тети Присциллы – заглянула в подвал. Преодоление этапа стоило Лорейн огромных душевных сил. Она долго стояла у двери, не решаясь открыть ее, целую вечность спускалась по косым, неудобным ступеням. Шагнув на каменный пол, она зажмурилась, но, открыв глаза, не обнаружила вокруг ничего необычного. Дядя, как и собирался, оборудовал здесь винный погреб. В подвал провели электричество; установили оборудование, необходимое для поддержания нужной температуры и уровня влажности. Каменные стены, когда-то испещренные рунами и загадочными символами, покрывал толстый слой зеленой краски. Вдоль них громоздились бесчисленные стеллажи для хранения бутылок, большая часть которых пустовала. Лорейн получила еще одно подтверждение своим тревожным предположениям о финансовом положении семьи: погреб был, а заполнить его оказалось нечем. Редгрейвы не могли позволить себе ту роскошь, о которой мечтали.

Девочка приблизилась к пустому стеллажу и присела на корточки, чтобы просунуть ладонь между полок и дотянуться до стены.

Подойди. Подойди. Иди ко мне, дитя. Сними печать. Я утешу тебя. Я накажу всех твоих обидчиков.

Она тряхнула головой, напоминая себе, что выдумала все события того жуткого дня. И все же зачем-то, сама не зная зачем, Лорейн отыскала на полу закатившийся в щель гвоздик, и принялась соскабливать краску в самом незаметном месте. Это стремление противоречило ее желанию быть нормальной, шло вразрез с целью, ради которой она явилась сюда.

Изгнать старый призрак. Развенчать собственный миф. Сокрушить с алтаря уродливый идол прошлого.

Но у Лорейн быстро нашлось для себя оправдание: эти символы, скорее всего, начертаны рукой отца. Погрязший в собственном безумии, уверовавший в мир сверхъестественного, он спускался сюда, выплескивая на стены содержимое темных чертогов своего разума. Прикосновение к ним – было прикосновением к нему. Нитью, ведущей сквозь тьму. Эхом его голоса. Последней его тенью, сохранившейся в доме, чье нутро беспощадно выскоблили и опустошили.

Лорейн так увлеклась, что не расслышала шагов. Застигнутая врасплох, она неуклюже вскочила и ударилась лбом об одну из полок. Потирая свежую шишку, и проклиная свой глупый порыв по чем свет стоит, она не сразу осмелилась обернуться. Пусть тетя Присцилла и сменила гнев на милость, это не отменяло ее вздорного, непредсказуемого нрава. Вряд ли ей понравится обнаружить племянницу здесь. Но нашла Лорейн вовсе не тетя.

– Мисс?

Девочка прикинула, уместно ли обругать дворецкого всеми хлесткими выражениями, что она почерпнула от других учениц пансиона, но быстро оставила эту идею. Дворецкий не виноват, что Лорейн вздумалось тащиться в проклятый подвал и беречь свои старые раны. Никто не посвящал его в историю десятилетней давности. В этом не было малейшей необходимости.

Этот человек невольно внушал Лорейн ощущение смутной, иррациональной тревоги. Она, как могла, силилась его избегать, и до этого момента у нее неплохо выходило, ведь рядом с ней постоянно крутилась тетя Присцилла. Как заметила девочка, Кристофер был не в восторге от общества тети, которая принималась беззастенчиво кокетничать и строить ему глазки, стоило дяде Клиффорду отвернуться или уехать по делам. Лорейн невольно становилось стыдно за тетю. А Присцилла была еще и значительно старше мужчины. Увы, толстые слои косметики, которыми она пыталась скрыть признаки возраста, лишь обличали какая обвисшая у нее и дряблая кожа.

Пауза затянулась. Дворецкий стоял, чуть склонив голову плечу, так что кончики его смоляных волос касались идеально-белого воротничка рубашки. Под его пристальным взглядом Лорейн почувствовала себя полевой мышкой, примеченной в голом поле огромным ястребом. Ей негде было спрятаться. Некуда отступать. И у нее не было слов в свое оправдание. К счастью, мужчина взял огонь на себя.

– Если вы пришли, мисс, чтобы подобрать вино к ужину, то позвольте мне взять эту обязанность на себя, – сказал он, – вряд ли вы обладаете необходимыми познаниями.

– Я... э... – запнулась Лорейн, – почему?

– Как минимум, вы не достигли возраста, допустимого для распития алкоголя, – заявил мужчина. Он вдруг улыбнулся и от этой улыбки – другой, не сдержанной, вежливой, пустой, как в присутствии тети и дяди, а холодной и колючей, Лорейн окончательно стало не по себе. Она стиснула в ладони гвоздик, которым уродовала стену.

– Впрочем, если вы все же проигнорировали всевозможные запреты и завели привычку к употреблению спиртного, – продолжал дворецкий, – я сильно сомневаюсь, что в приоритете для вас был выбор изысканных напитков.

Девочка внимательно выслушала его и кивнула. И лишь хорошенько переварив слова мужчины, она страшно возмутилась.

– Что вы имеете в виду? – взвилась она, – что я, как вы изволили выразиться, имею привычку распивать второсортное пойло в грязных подворотнях? Скажите еще, что эти годы я шаталась по наркоманским притонам в трущобах Лондона! Я не пила спиртного, не разбираюсь в вине. Я жила в школе со строгими порядками. Но это *мой дом*. Здесь никто не вправе указывать мне, что делать. Тем более вы.

Она выпалила это и зажала рот руками, изумившись внезапному порыву. Лорейн не знала, что на нее нашло. Страшась гнева мужчины, она схватила первую попавшуюся бутылку и ринулась наверх, чтобы поискать тетю Присциллу, спрятаться у нее под крылышком и избежать себя от необходимости еще когда-либо вести приватные беседы с этим человеком. Ответ догнал ее уже на лестнице:

– Верно, маленькая мисс. Вы настоящая хозяйка этого дома. Не пора ли поставить в известность об этом и *чужаков*?

Решение тети Присциллы отпустить всю прислугу Лорейн восприняла как добрую волю судьбы. Тетя заявила, что сама хочет приготовить и накрыть ужин для своих любимых мальчиков. К несчастью, это было ложкой дегтя в капле меда, которой Лорейн нашла отсутствие неприятного дворецкого – Присцилла не умела готовить; не имела и малейшего представления о том, как управляться с новомодной плитой; терялась, пытаясь отыскать необходимую утварь или специи. Девочка, взявшаяся помочь тете, была вынуждена нейтрализовать последствия катастрофы, коей являлся благородный порыв изнеженной, не приспособленной к быту женщины. И все равно, как Лорейн ни старалась, вся пища вышла слишком соленой или наоборот пересоленной, а мясо по жесткости и внешнему виду напоминало подошву ношенных старых ботинок. Дядя Клиффорд налегал на вино, каждым глотком перебивая отвратительный вкус

жениной стряпни. А кузены ограничились вежливыми словами благодарности в адрес старшей матери и двоюродной сестры, но ели без тени удовольствия.

В этом году Майлз и Тайлер заканчивали школу, и львиная доля разговоров за столом крутилась вокруг этой темы. Лорейн сидела тихо, уставившись в тарелку, но иногда все же осторожно поглядывала на подростков близнецов. Теперь различать их стало проще – юноши больше не являли собой двухголового монстра с одним мозгом на двоих, а напротив стремились к обретению своей собственной, противоположной брату индивидуальности. Майлз короче стриг волосы и носил спортивную одежду, когда как Тайлер придерживался во всем более классического стиля. Он даже обзавелся очками. Тайлер был серьезнее брата, лучше учился, и рассуждал о том, что неплохо бы родителям найти средства на приличный колледж. Под приличным он, понятное дело, подразумевал исключительно старые учебные заведения Лондона и Оксфорда. Майлз вовсе не собирался идти в колледж. Ему нравился футбол, все свое свободное время он проводил или в играх с товарищами, или катался по всей стране, поддерживая любимую команду. Именно это и стало точкой преткновения, когда влюбленное щебетание тети Присциллы резко сменилось знакомыми Лорейн капризными нотками в голосе тети.

– Милый, но ведь ты можешь заниматься спортом и в колледже, - увещевала она, - образование точно не будет лишним.

– Оно мне не понадобится, - сказал Майлз, - вы с отцом сможете оплатить учебу только одному из нас. Пусть это будет Тай.

– О, милый, - нахмурилась тетя Присцилла, - что ты имеешь в виду? Конечно, мы оплатим учебу вам обоим.

– Ну конечно, - фыркнул парень, - а что ты ответила мне, когда я хотел поехать в Амстердам? Что денег нет!

– Но одно дело увеселительная поездка, а другое – учеба, - возразила тетя.

– Вранье, - выплюнул Майлз, - просто признай, что ты просадила все наши деньги! И никакой колледж не светит ни Тайлеру, ни мне. О чем ты вообще говоришь? Раньше надо было думать, когда ты спускала средства на всю эту херню!

Он грохнул тарелкой с безобразными цветами и брезгливо отпихнул ее от себя подальше.

– Что ты себе позволяешь? – вступился дядя Клиффорд, - как ты разговариваешь с матерью! Извинись сейчас же!

– Просто признайте, пап, - чуть смягчившись, продолжал Майлз, - мы нищие. У нас нет денег. Ни пенса. Все наши деньги превратились в мамино ненаглядное барахло!

– Майлз, - Тайлер тронул брата за плечо и неодобрительно покачал головой, - остынь.

– А ты? – тут же переключился на него Майлз, - правда думаешь, что тебе оплатят какой-то там колледж? Оксфорд? Не смеши! Вынь уже голову из задницы!

– Сын, - обратился к нему Клиффорд, - довольно. Да, ты прав, мы сейчас испытываем определенные финансовые трудности... но я это поправлю. Вам нужно просто немного подождать. Поработаете пока, наберетесь опыта. Я тоже не сразу пошел учиться, трудился клерком...

– А вот и нет, - перебила его тетя Присцилла, окончательно переходя на крик, - ты – плохой пример! У вас были деньги, но твоей чокнутой мамаше был важен только ее ненаглядный Джеральд! Ради него она была готова на все, исполняла любую его безумную прихоть, пока мы голодали и ютились в тесной квартирке с тараканами и крысами! Я не позволю обресть наших мальчиков на такую ужасную судьбу!

– Не смей называть мою мать чокнутой, - процедил сквозь зубы дядя Клиффорд.

Близнецы притихли, испуганно глядя на родителей, вот-вот готовых сцепиться между собой. Дядя отставил опустевший бокал в сторону, устало помассировал виски пальцами и из-под ладони взглянул на Лорейн и братьев.

– Началось, - простонал Майлз и первым вскочил с места.

– Лорейн, Тайлер, нам надо поговорить наедине, - сдавленным голосом попросил дядя, но Тайлер не послушался, так и оставшись сидеть за столом. Лорейн тихонько встала и выскользнула сквозь открытые двери столовой на улицу.

Она не учла, что в этом же направлении ушел Майлз, и, конечно, наткнулась на него в саду. Он стоял, прислонившись к стене дома, и курил. Рука с сигаретой, которую он нервно подносил ко рту, заметно дрожала. Лорейн собиралась улизнуть, дабы не нарываться на конфликт, но брат ее заметил.

– Что уставилась? – рявкнул парень, - с возвращением, кстати, сестрица. Ну что, теплый прием тебе тут оказали?

Он оттолкнулся от стены и сделал шаг к девочке, вынуждая ее отступить. Он и раньше был крупным, но занятия спортом добавили к его внушительному росту еще и целую гору мышц. И эта гора сейчас угрожающе надвигалась на Лорейн.

– А хочешь правду, сестрица? – понизив голос, заговорил Майлз, - зачем тебя забрали из той крысиной норы? Почему мама с папой теперь так с тобой носятся? Сколько тебе сейчас? Шестнадцать? Вот почему: они рассчитывают выдать тебя замуж за какого-нибудь богатого олуха, чтобы разом решить все наши финансовые проблемы.

– Это так не работает, - неуверенно возразила Лорейн, - мы не в девятнадцатом веке.

– Ну, конечно, - хмыкнул кузен, - но разве ты бросишь в беде милых дядюшку с тетюшкой, если они будут к тебе добры? И своих кузенов, конечно. Я, кстати, тоже могу быть очень милым. Показать?

Девочка не знала, что ответить, но на помощь ей подоспел Тайлер.

– Майло, - сердито сказал он, - опять дымишь? А спортсменам разве можно?

– Иди нахер, - огрызнулся Майлз. Он гневно швырнул сигарету себе под ноги и затушил носком ботинка.

– Так что, сестричка, не воображай себе лишнего, - бросил он, уходя, - никому ты тут даром не сдалась.

– Придурок, - вздохнул Тайлер, проводив брата осуждающим взглядом. Парень подобрал окурок, оставленный Майлзом, и засунул его поглубже в каменную вазу с цветами. Какое-то время он стоял молча, а после снял очки и протер линзы краем пиджака. Лорейн догадалась, что он ищет чем бы занять себя, чтобы хоть немного отвлечься от неловкости между ними. У нее не было и малейших представлений, о чем им вообще можно поговорить, но и трусливое бегство отчего-то казалось неправильным. Вероятно, ей все-таки стоило придумать предлог и уйти, тем более она уже начинала замерзать в вычурном платье, которое на нее напялила тетя.

Лорейн зябко обняла себя за плечи, и это не укрылось от внимания кузена. К огромному ее удивлению, Майлз вдруг стянул свой пиджак и протянул ей. Опасливо, как протягивают угощение дикому зверю, который может ответить агрессией и укусить.

– Спасибо, - сдалась девочка. Ей раньше никогда не доводилось носить мужские вещи. В этой ее взрослой, самостоятельной жизни. Когда она была маленькой и они с отцом гуляли в лесу, собирая цветы и травы, он иногда надевал на нее свою огромную куртку. Но то была вещь отца, а это противного Майлза. И все же она была теплой. И непривычно пахла мужским парфюмом.

– Извини за эту некрасивую сцену, - вздохнул Майлз, - и за брата. Ему, наверное, на тренировках остатки мозгов вышибли. Он стал просто невыносимым.

– А раньше не был? – вырвалось у Лорейн. Кузен не обиделся, а внезапно одарил ее ласковой, дружелюбной улыбкой.

– Раньше еще хуже, - признал он, - да и я... за это тоже извини. Мы были ужасными. Но это в прошлом. Мир?

Теперь была очередь Лорейн недоверчиво таращиться на протянутую ладонь. Минуту поборовшись с собой, она все же приняла предложенный мир.

– Ты стала такой хорошенькой, - как бы невзначай заметил Майлз, - да всегда была. Даже когда этот идиот остриг тебе волосы.

Этот комментарий девочке ужасно не понравился. Не сами слова, а то, как они были сказаны.

Лорейн уже начинала скучать по своей крошечной келье в пансионе. В школе она была предоставлена сама себе; другие девочки ее избегали, да и учителя не испытывали особого рвения общаться с ученицей, не проявлявшей особого интереса к дисциплинам, по их мнению, необходимым для приличной девушки. Лорейн не давались ни шитье, ни вязание, ни готовка. Она грезилась о книгах, но коллекция школьной библиотеки была очень скудной и включала лишь некий прожиточный минимум. Администрация школы не заметила, что миновали те темные времена, когда женщине преступно было быть умной. Они ценили кротость и уступчивость. Из нескладицы открытого рта могли раздаться крамольные слова. А немногочисленные ученицы, что имели возможность доставать разные вещи, еду и книги, предпочитали бульварное чтиво и глупые романчики о любви. Лорейн не могла попросить их о помощи.

Пансионат был обителью скуки и тишины. А в изуродованном родном доме Лорейн приходилось играть в прятки. Она избегала дворецкого, избегала и кузенов. Майлз был груб и смотрел на нее, как на мусор, а Тайлер, напротив, подозрительно любезен. Девочке в новинку было слышать комплименты и добрые слова, так что они загоняли ее в тупик. К счастью, хотя бы тетя про нее позабыла, полностью погрузившись в заботу о мальчиках, впрочем, слишком взрослых, чтобы в том нуждаться. Они отмахивались от матери, порхающей вокруг, как от назойливой мухи.

Однако, от Тайлера нашлась кое-какая практическая польза – он привез с собой учебники и щедро поделился с девочкой, припомнив, что когда-то она любила читать. Завладев книгами, Лорейн тут же убралась от него подальше. Целыми днями она искала по дому укромные уголки, забиваясь то в нишу за портьерой, то в углублении подле нелепой позолоченной статуи Венеры, то в пространство под лестницей. И везде она попадалась кому-то из домочадцев. Утомившись от бесплодных попыток найти укрытие в доме, Лорейн решила отправиться на поиски одиночества в окрестностях дома, а заодно избежать очередного кошмарного семейного ужина. Стояла поздняя весна, но погода была сырой и холодной. Вряд ли кто-то из Редгрейвов вспыхнет энтузиазмом составить ей компанию, рассудила она.

У выхода в сад Лорейн все-таки столкнулась с дворецким. От его привычки появляться из ниоткуда в самых неожиданных местах девочке становилось жутко. Родственники были вздорными, но безобидными, они могли утомить ее неловкими разговорами и сценами, но не более того. А от дворецкого за версту веяло опасностью. Его высокая фигура, затянутая в черный костюм, угнетала одним своим присутствием, а темные глаза казались какими-то звериными. Они совершенно не сочетались с его вежливой, сдержанной манерой в общении. В них таилась буря.

– Ну что еще? – не выдержала Лорейн, - разве вам нечем заняться?

– У вас найдется для меня поручения, мисс? – невозмутимо откликнулся мужчина.

– Нет, - сдалась девочка. Она тут же пожурив себя за грубое поведение в отношении человека, в сущности, не сделавшего ей ничего плохого. Вероятно, корнями ее неприязни и желание демонизировать мужчину росли в далекое детство. Но это для отца мир был населен разными мистическими созданиями и жуткими тварями, иные из которых разгуливали в человеческом обличье. Лорейн больше не верила в его старые сказки. Она повзрослела. Она хотела быть нормальной. Не хотела умереть, как он, в стальных тисках своего безумия.

А как, кстати, он умер? Девочка вдруг поняла, что так и не узнала подробностей. В тот год она была слишком мала, чтобы спрашивать о подробностях кончины отца, а теперь не находила эту тему подходящей для бесед с родственниками, перемирие с которыми было слишком шатким.

Убегая от себя, от этих вопросов, от чувства вины за некрасивый выпад, Лорейн вышла на террасу, с которой открывался отличный вид на озеро, отливающее серебром в свете только взошедшей луны, и далекий лес, чернеющий на вершине соседнего холма. Девочка не слышала шагов, но уловила движение воздуха. Дворецкий последовал за ней.

– Собираетесь на прогулку? – светским тоном осведомился он, – на ночь глядя?

– Мне не требуется разрешение, – буркнула Лорейн, надувшись. Она стиснула книгу, испытывая непреодолимое желание швырнуть ее в лицо мужчине, чтобы раз и навсегда поставить точку в этом споре. Да, она невоспитанная маленькая дрянь. Но она не собиралась жить в романе Агаты Кристи, не просила родню нанимать дворецкого. Он их игрушка – пусть дядя с тетей и забавляются с ним сами. Отец дворецких и прислуги не держал. Ухаживать за домом и дочерью ему помогала лишь единственная старушка, приходившая из соседней деревни.

– Нет, – подтвердил Кристофер, – но уже слишком поздно, чтобы идти в лес.

– С чего бы это!? – возмутилась Лорейн. Больше всего ее раздражали снисходительный тон и спокойствие мужчины в ответ на все ее провокации. – Я знаю эти места, как свои пять пальцев. Я гуляла в этом лесу еще ребенком.

– За время вашего отсутствия многое изменилось, – после небольшой паузы выдал дворецкий, – и этот лес тоже.

– Seriously? – удивилась девочка и даже соизволила обернуться, чтобы гневно посмотреть собеседнику в лицо, – и что там такое? Вурдалаки? Оборотни? Гоблины? Фэйри утащат меня в свое царство? Избавьте меня от этого. Я вдоволь наслушалась подобной чепухи от отца. Суеверия не довели его до добра. Но я знаю, чего там точно нет. Людей. Я хочу отдохнуть от людей. Ясно?

– *Ночь не так темна, как человек*, – задумчиво сказал мужчина, и Лорейн легко догадалась, что это цитата, хотя и не знала откуда.

– Вот именно, – зло подытожила она. На этом дворецкий наконец-то оставил ее в покое, вероятно, разочаровавшись, что собеседница не смогла поддержать затеянную им интеллектуальную игру.

Не только хамка, но еще и необразованная дуреха, – с горечью вынесла себе приговор Лорейн. Но у нее было оправдание – последние десять лет она была отрезана от мира, от знаний, от любых возможностей их получить. Ее разум томился в тюрьме тех обшарпанных стен, при мысли о которых сердце все равно сжимали тиски ностальгии. Воспитанниц школы не учили ловко отвечать цитатой на цитату, им преподавали уроки покорности, занимавшие куда больше места в учебной программе, чем базовые школьные предметы. Покорность – вот, что это было, все эти занятия для благопристойных барышень. Покорность своей участи. Отбыть срок в этой темнице и переключиться в другую – замужества. Лорейн вынужденно согласилась с Майлзом, хотя все в ней противилось этому. Тетя и дядя с трепетом обсуждали только будущее близнецов – их учебу, карьерные возможности, ведь у них и правда было будущее. У племянницы нет. Пройдет несколько лет и ее пристроят замуж, постаравшись сделать это с максимальной выгодой для себя. Никто не станет содержать бесполезную девчонку после совершеннолетия, не потратит и лишнего фунта. А ведь это и ее дом тоже. Ее наследство. Но родственники все решили по-своему.

Лорейн так рассердилась, думая об этом, что, заслышав позади шаги, утратила способность сдерживать бурливший в ней гнев. Она встала, утопая по колено во влажной траве, развернулась и крикнула:

– Оставьте меня в покое!

– Оу, - молвил Тайлер, а это оказался именно он, - прошу прощения, но...

– Что «но»? – девочка чуть растеряла свой запал, но все еще была порядочно взбудоражена. Ее гнев таял по мере того, как взгляд скользил по фигуре кузена и тому, что он принес в руках – свернутый плед и очаровательную в своей старомодности керосиновую лампу. И где он только умудрился отыскать ее в доме, где все вещи Присцилла заменила новыми, нефункциональными и бездушными? Как только это старье уцелело? Это была отцовская лампа.

– Тише-тише, - примирительно сказал Тайлер, - вижу, ты не в духе. Я заметил, что ты уходишь и хотел дать тебе это, вдруг понадобится.

Он смущенно умолк.

– Ну и... предложить свою компанию, все-таки идти ночью в лес одной – такая себе затея, - добавил он тихо.

– Прости, - вздохнула Лорейн, - я приняла тебя за... другого. Ладно. Пойдем.

Ей стало так стыдно, что она просто не имела права его прогнать.

– Опять Майлз тебя задирает? Ну, я ему точно вмажу, как домой вернусь, - ворчливо сказал Тайлер, поморщившись. Он покорно пошел рядом, впрочем, соблюдая некоторую дистанцию, за что девочка была ему особенно благодарна.

– Нет, - покачала головой она.

– А кто?

– Не важно. Вообще не хочу, чтобы вы ссорились из-за меня, - призналась Лорейн, расстроившись от доброты мальчишки, когда-то беспощадно доводившего ее до слез, - вы... всегда были так дружны, как одно существо. Если честно, я вам завидовала. Вы были друг у друга, и тетя с дядей... А у меня... никого.

– А твоя мама? – вдруг спросил Тайлер, - ты ее помнишь?

– Почти не помню, - сказала девочка, - она очень давно умерла. Она была красивой, пела и любила стихи, танцевала. Но это так... далеко.

Лорейн вдруг почувствовала на своем предплечье теплую ладонь кузена. Тайлер удержал ее, вынуждая остановиться, и распахнул руки в жесте, приглашающем в объятия. Девочка совсем растерялась – она не привыкла к такому и пока толком не понимала, нравятся ли ей объятия или вызывают отвращение. До тети Присциллы, постоянно стремившейся тискать Лорейн, как хорошенького щенка, жизнь девочки не была богата на тактильные контакты. Но не принять утешения было бы грубо, а грубила она сегодня достаточно. Лорейн послушно уткнулась носом брату в плечо, вдыхая все тот же аромат парфюма, которым пропитался и его пиджак. Тайлер обнимал ее очень осторожно и трепетно, отчего девочка страшно засмущалась. Она поторопилась отстраниться и огляделась, чтобы отвлечься от этого нового ощущения. Они стояли на опушке леса и лунный свет, пробивавшийся сквозь прорехи в густых кронах деревьев, делал траву похожей на снег.

– Теперь у тебя есть мы, - заверил Тайлер, - мы станем хорошей семьей.

– Спасибо, - опомнилась Лорейн, и, напустив беззаботности в голос, сказала, - пойдем, я покажу тебе место, куда меня водил отец. Он говорил, что на этой поляне танцуют феи. Правда же чушь, да?

Воспоминания об отце обдали ее легким холодком, словно ветром, пробившимся сквозь толщу земли из подземного царства, куда он когда-то ушел без оглядки.

– Ну почему, - пожал плечами Тайлер, - очень красиво. Он, быть может, был тем еще чудачком, но ему, наверное, было интересно жить.

– Так интересно, что запугал меня до смерти, - фыркнула Лорейн и провела рукой по голове, имея в виду свои волосы, - вот что из-за него случилось. Но тетя сказала, что ее парикмахер может это исправить.

– Нет, не стоит, - сказал кузен, - тебе так идет.

– Если скажешь что-нибудь про снег или лунный свет, я тебя ударю, - рассмеялась девочка, - но это лучше, чем «белая крыска» или «альбиноска».

- Ужасно.

Лорейн не могла понять, что с ней происходит, почему у нее так бешено колотится сердце и потеют ладони. Ее настораживала и собственная, совершенно не свойственная ей, разговорчивость. За последние годы она едва ли хоть раз так долго болтала с кем-то наедине, да и не испытывала в этом особой потребности. Если кто-то из учеников вдруг обращался к ней по какому-то делу, она страшно терялась и путалась в словах. Объятия Тайлера оказали на нее странное действие. Было приятно и волнительно. Но что-то все-таки настораживало Лорейн, вероятно, резкая перемена в его отношении. Она ничего не смыслила в мужчинах, десять лет окруженная только девочками, девушками и женщинами-преподавательницами. Все, что она почерпнула о мужчинах из болтовни старшеклассниц – они опасны. С ними нужно держать ухо востро.

Лорейн притормозила, выискивая взглядом знакомые деревья, и признала, что лес действительно изменился. Но поляна была на своем месте, пусть сильно заросла и теперь была окружена почти непроходимой стеной из молодого кустарника. Подсказку дал круг из грибов – прямо по центру, весь утопленный в лунном сиянии.

– Отец называл это «ведьмин круг», - проговорила Лорейн задумчиво. Ей не хотелось тревожить местную флору, потому она так и топталась на краю полянки. Тайлер тоже не пошел дальше – он расстелил плед на траве и поставил рядом с ним лампу.

– Зачем это?

– Посидим, подождем, может твои феи придут, - с заговорческой улыбкой поведал кузен.

– Хм... ладно, - легко сдалась девочка. Она пристроилась на дальнем конце одеяла, на приличном расстоянии от парня, и все равно сквозь тонкую ткань ощущала холод земли. Мокрые травинки щекотали Лорейн щиколотки. Закрыв глаза, она попыталась перенестись на десять лет назад, вспомнить, как приходила сюда с отцом. Но он никогда не водил ее сюда ночью, оттого посетить это место в темноте было особенно интересно.

– Это не мои феи, - ворчливо напомнила она, - а отца. Он во все это верил, а я нет.

– А во что веришь ты?

– Не знаю, - вздохнула Лорейн, приоткрыв один глаз, чтобы посмотреть на кузена, - я ни во что не верю, наверное. Вера – опасная штука. Для отца все это плохо закончилось...

Она осеклась. Вопрос так и вертелся на языке, но девочке все равно не хватало храбрости его задать, пусть сегодня она и превысила все свои лимиты разговорчивости. Но обстановка подходила. И Тайлер производил впечатление человека, способного наконец-то рассказать ей правду. Дядя Клиффорд всеми силами избегал этой темы, тетя Присцилла едва ли сама что-то знала. Майлз попросту не стал бы слушать Лорейн, а сходу выплюнул бы что-нибудь грубое. А Тайлер.

Ты знаешь, как он умер?

Даже в голове звучало жутковато. И откуда кузену знать? Он и сам тогда был ребенком, не сильно старше Лорейн. Никто не стал бы посвящать его в подробности.

Тайлер тем временем порылся в карманах пиджака и достал предмет, металлическая поверхность которого забликовала в лунном свете. Девочка прищурилась, силясь разглядеть, но все равно не мыслила назначения небольшой прямоугольной коробочки, пока кузен не открыл крышку. Внутри лежали зажигалка и странные на вид сигареты. Одну Тайлер протянул Лорейн, а вторую взял себе.

– Ты же не куришь? – засомневалась она, осматривая бумажный сверток со всех сторон. Запах у него был резким, травянистым и неприятным.

– Это другое, - возразил парень, - серьезно? Никогда этого не делала? У вас там что, правда был монастырь? Попробуй, тебе понравится.

– Ну... другие девочки выбирались в ближайший город и там всякое раздобывали, но...
- Лорейн осеклась. Ей не хотелось вдаваться в подробности своей социальной изоляции. Перед Тайлером, таким обходительным, самоуверенным, вероятно, даже талантливым, раз он собирался в колледж, девочка не осмеливалась признаться, что десять лет была тем, кого принято звать изгоем.

Кузен показал, что сверток нужно поднести ко рту и щелкнул зажигалкой – сначала себе, потом у лица Лорейн.

– Только не выдыхай сразу, - напутствовал он. Девочка последовала его примеру, вдохнула горький, обжигающий горло дым и тут же закашлялась. Кое-как совладав с собой, она сделала еще одну затяжку и напрягла все мышцы, не позволяя облачку выпорхнуть наружу из легких. Лорейнхватило совсем ненадолго, но голова у нее все равно пошла кругом. Превозможная неприятные ощущения, она возобновила странный ритуал под чутким присмотром кузена, пока бумажка в ее руке не сгорела совсем, опалив пальцы.

Измученная процедурой, девочка откинулась на спину. На лунный диск напоззли рваные, чернильные облака, похожие на плотную тюль, и небо стало темнее. Достаточно темным, чтобы можно было различить крошечные искры звезд. Лорейн скользила взглядом по небесному своду, выискивая хоть одно знакомое созвездие из тех, о которых читала в книжках отца. К несчастью, она совсем позабыла где их искать, в какое время и в каком полушарии они прячутся. В школе астрономию, конечно же, они не изучали, оттого ее познания были расплывчатыми. Спустя годы она не могла отличить реальные сведения от своих домыслов. Это было и не нужно – звездная бездна затягивала. Лорейн показалось, что она летит, уплывает куда-то и одновременно падает вверх.

Ей было хорошо. Она никогда прежде не ощущала такой безмятежности, такой легкости во всем теле. Тело казалось чужим, оставленным здесь, на земле, пока душа невесомо парит, порываясь оборвать тонкую нить и покинуть опостылевшую оболочку, ринуться бороздить звездные просторы.

– Сейчас и феи придут, - отдаленно, как из-под воды донесся голос Тайлера. Он напомнил Лорейн, где она находится. Она кое-как совладала с конечностями, ставшими мягкими, как желе, и приняла сидячее положение. Ее почему-то кренило в сторону, оттого девочке волей-неволей, а пришлось прислониться к плечу кузена в поисках точки опоры.

– Ой, да ты окоченела совсем, - заметил он и принялся стаскивать один рукав пиджака. Высвободив одну руку, он приобнял Лорейн, теснее прижимая к себе, и накинуд на нее край своей одежды. Только сейчас девочка заметила, какая она маленькая рядом с ним. Белая мышка.

Или она ошиблась – и ей пять лет, а рядом не Тайлер, а снова отец? И сейчас на поляну действительно явятся феи.

– Хорошо зашло, да? – поинтересовался кузен, и Лорейн, не имевшая представления, что на такое ответить и о чем он вообще говорит, лишь глупо хихикнула.

– Позовешь своих фей? – кузен тоже рассмеялся.

– Не-е-ет, - девочка помотала головой.

– Почему это?

– Они тебе не понравятся, - заявила Лорейн, - вы зря думаете, что это милые маленькие леди с крыльями. Это уродливые, зловредные твари, которые ненавидят людей, потому что мы испоганили все вокруг и им негде жить... ой... - она приложила замерзшие пальчики к губам, снова смеясь, - чужь. Какая же чужь! А он в это верил! Ну ты и чудак, папа! Феи... феечки... боже.

Лорейн резко замолчала, краем уха уловив, как ей показалось, какой-то смутный шорох в кустах на противоположной стороне поляны. Темнота больше не казалась уютной и бархатной. Она стала тревожной, наполненной невидимой жизнью, скрытой от глаз двух самонадеянных

юнцов, явившихся под ночь в опасное место. В место, где властвуют феи и тени. Где сказки становятся явью. Отец ведь что-то ей говорил, Лорейн все трудилась вспомнить. Он говорил... говорил... что этот лес безопасный, никто в нем не прячется, слишком близко от *их дама*. Но там, откуда была родом ее мать, откуда он привез свою Моргану, свою лесную деву, там лучше не ходить в потемках в чащу. Не вернешься.

Необъяснимая тревога была не последней проблемой Лорейн. Сквозь вязкий туман, пролеглий сквозь ее мысли, и без того беспорядочные, наконец-то пробились сигналы от тела. Она чувствовала кое-что еще. Руку Тайлера на своем бедре под юбкой, вероятно, находившуюся там уже достаточно давно, поглаживающую туда-сюда, вверх вниз по покрывшейся мурашками коже.

– Что ты делаешь? – изумилась Лорейн.

– Да так, - невозмутимо сказал кузен, - тебе нравится? Ты кайфанула? Хочешь, чтобы стало еще лучше?

– Нет... нет... не хочу, - выдавила она. Она попыталась отползти, увернуться, но пальцы парня тут же больно сжали кожу, впиваясь почти до кости.

– Ну что ты, крошка, - продолжил уговаривать Тайлер, - будь хорошей девочкой. Не волнуйся. Никто не узнает. Тебе понравится. Разве я тебе делал плохо?

– Делал, - ответила Лорейн, - в детстве...

– Ну, когда было. Теперь то мы хорошие друзья, да? Я старше тебя, знаю о многих классных вещах. Вы таким в своем монастыре точно не занимались. Ты даже не понимаешь, от чего отказываешься.

– Нет-нет, я не хочу, - упрямо повторила девочка. Ей никак не удавалось совладать со своими конечностями, до которых, словно, совсем не доходили панические приказы мозга. Она и правда не имела четкого представления, что именно кузен собирается с ней делать, но догадывалась, что это неправильно. Он врет. Ей не понравится. Ей это не нужно. Ей нужно встать и уйти. Убежать домой. Запереться в ванной комнате и смыть с себя эту ночь, эти прикосновения, эти засасывающие в себя звезды.

У Лорейн было мало шансов отстоять свою, слишком уж слабо проявленную точку зрения. Кузен повалил ее на одеяло, своим крупным телом отрезая последние пути к отступлению. Его руки шарили все выше, все ближе к тонкой ткани белья, наполняя девочку ощущением ужаса перед лицом неотвратимой участи. У нее не было выхода. Ее учили покорности. Пришло время продемонстрировать как она усвоила эти уроки. Смириться. Сдаться.

Но на сторону Лорейн внезапно встали непреодолимые обстоятельства в виде внешнего вмешательства. Тайлер, еще минуту назад вжимавший ее в землю и уже тянувший вниз к коленям девочки ее хлопковые трусики, резко исчез. Следом из темноты донеслись шорох, ругань и непонятная возня.

– Что это нахер такое?! – разборчиво произнес кузен и затих.

Лорейн шустро села, натянула белье и завернулась в плед, оторопело оглядываясь по сторонам, пытаясь найти, куда делся кузен. Это шутка? Близнецы продолжили свои игры? Все – и плед, и разделенное запретное удовольствие – и исчезновение – часть очередного спектакля, чтобы проучить ненавистную девчонку?

Ответом Лорейн послужил задущенный, булькающий хрип – нечеловечески ужасный, пробирающий до костей, до самого ее существа. В том месте, где, по предположениям девочки, скрылся Тайлер шевелились кусты. Чавканье и хруст становились все громче – пронзительными среди лесной тишины.

Разум Лорейн снова вернул себе прежнюю ясность. Адреналин придал ей сил. Она вскочила, подхватив лампу и замерла, не решаясь двинуться к кустам, где *что-то* было. Инстинкты вопили об опасности, строго-настрого запрещаая ей идти в том направлении.

Беги. Уходи. Домой. Сейчас же.

Звуки умолкли. Луна медленно выплыла из-за туч, подсвечивая театральную сцену, в которую превратилась прежде уютная, уединенная поляна. Лорейн стояла одна – беспомощная, почти обнаженная перед тысячами хищных глаз, взирающих на нее из темноты.

Ну что за глупая девчонка? Тебе говорят – уходи.

– Это... - Лорейн выронила лампу и зажала уши руками. Она помнила этот голос и не хотела слышать его вновь, ощущать в своей голове. Голос из подвала. Он пугал ее куда больше, чем любая опасность, таящаяся в ночном лесу. Красной нитью он шел через все ее ночные кошмары, чтобы теперь обмотаться удавкой вокруг горла. Ни один страшный сон не обходился без его участия. Но его нет. Он – лишь фантазия глупой маленькой девочки.

К несчастью, то, что выбралось из кустов и теперь стояло шагах в десяти от Лорейн, фантазией не было. Луна позволяла девочке во всех подробностях разглядеть тварь перед собой – сгорбленную, со сморщенной серой кожей, пустыми провалами глаз и хищно оскаленной окровавленной пастью. И Лорейн бы подумала, что создание тоже разглядывает ее – как диквинку, чужака среди леса, такую же немыслимую, как и монстр для нее, но откуда-то знала, что тварь слепа. Существо поводило мордой из стороны в сторону, приносясь. Приближаясь крошечными, осторожными шагами, ведомая только запахом жертвы и нечеловеческим голодом.

Тебя предупреждали.

Лорейн потребовала голос замолчать и задрала подбородок, провожая взглядом луну. Облака напознали на нее с ленивой неторопливостью, продлевая последние мгновения жизни девочки. Тварь, затоптавшая «ведьмин круг», напряглась, готовясь сделать бросок, как только все снова погрузится во тьму.

– Очнись! - услышала она и, опустив взгляд, увидела перед собой еще одного монстра, но уже знакомого, за годы ставшего почти родным – мрачную тень из подвала старого дома. Столкнувшись со своим самым главным страхом лицом к лицу, Лорейн с удивлением поняла, что больше его не боится. Теперь она видела в нем своеобразную красоту, примечая то, что, будучи ребенком, не способна была оценить: грациозные повадки крупного хищника и фантастический свет красных глаз. Протянув руку, девочка положила ладонь на предплечье склоненного к ней существа, чтобы убедиться в его реальности. Ее пальцы не прошли насквозь, а обожглись холодом мертвого, уже очень давно мертвого тела.

– Уходи, - сердито потребовало чудовище, - не мешай мне делать свою работу.

Но Лорейн ослушалась. Она осталась, чтобы заворуженно смотреть, как в «ведьмином кругу», словно гладиаторы на арене, сражаются два порождения ночи.

Глава третья.

Тайлер был мертв. Его тело, накрытое тем самым одеялом, вносили в дом с торжественностью, достойной античного героя, павшего на поле брани. Клетчатая ткань стала черной от крови. Лорейн завершала процессию, прижимая к груди разбитую отцовскую лампу, тихая и погруженная в себя, словно юная жрица древнего погребального культа. Всю дорогу у нее перед глазами стояло лицо кузена, обезображенное до невозможности, окутанное струнами порванных жил из развороченного горла. Лорейн не сомневалась — в неразборчивых теперь чертах Тайлера навсегда отпечатался тот леденящий ужас, что парень испытал за мгновение до гибели. Неистовство, с которым тварь терзала свою жертву, впечатало погнутую дужку очков и осколки стекла в кровавое месиво, образовавшееся на месте глазниц и щек. То еще зрелище. В сравнении с ним явление древней сущности из саркофага теперь представлялось совсем безобидным. Трюком площадного фокусника. Дэвида Копперфильда, когда-то столь обожаемого близнецами. Но тогда Лорейн была ребенком. Сейчас она не испытывала прежнего страха и трепета, на которые была способна тогда. Она словно наблюдала происходящее со стороны, как один из тех американских ужастиков, что видела по телевизору, вернувшись из школы под крышу родного дома. По официальной версии, брат и сестра, наконец-то оставившие прежние разногласия и нашедшие точки соприкосновения, отправились прогуляться в лес, где наткнулись на волка. Тайлер повел себя как настоящий джентльмен, защищая девушку, и пожертвовал собой. Лорейн удалось убежать и позвать на помощь, подоспевшую, к несчастью, слишком поздно. Дядя Клиффорд сам сказал это полиции. Неизвестно, верил ли он хоть немного в собственную сказку. Присцилла только молчала, впад в странное оцепенение. Ее лицо казалось маской, по которой одна за другой стекали беззвучные слезы. Она с нездоровым энтузиазмом и воодушевлением взялась за организацию похорон.

Лес прочесывали несколько дней, но никакого волка так и не нашли. После звонка полицейского, отчитавшегося об окончании поисковой операции, взрыв, назревавший в звенящей от напряжения тишине дома, все-таки произошел. Майлз, конечно же, не принял версию событий, поведенную Лорейн. Но до этого момента он кое-как, но держал себя в руках. Он швырнул в стену уродливую статуэтку тропической птицы, и осколки керамики рассыпались разноцветным дождем.

— Это она во всем виновата! — орал он, указывая в сторону Лорейн. — Эта маленькая шлюха! Вы еще не поняли? Она специально подлизывалась к Тайлеру, чтобы он уговорил вас оставить ее здесь! Ей не место среди нас!

— Майлз, — устало вздохнул Клиффорд, — нам всем тяжело.

— Мне нужно позвонить, чтобы побыстрее доставили цветы для похорон, — выпалила тетя Присцилла и, став блее мела, выскочила из столовой.

Майлз выругался себе под нос и вышел следом за ней, на ходу извлекая из кармана пачку сигарет. Дядя проводил их безразличным взглядом и повернулся к племяннице.

— Лорейн, — обратился он к Лорейн, — я считаю, что тебе не стоит ехать с нами на похороны.

Лорейн и так не очень-то стремилась туда, потому, оказавшись избавленной от присутствия на этом безрадостном мероприятии, выдохнула с облегчением. Она смиренно опустила взгляд и сказала:

— Хорошо.

Со дня похорон она практически перестала выходить из отведенной ей комнаты, избегая не только семейных приемов пищи, окрашенных темными тонами траура, но и любых возможных столкновений с домочадцами. Дворецкий оставлял ей еду под дверью, но, по боль-

шей части, Лорейн не притрагивалась к пище. В ее спальне, задумывавшейся как гостевая, имелся свой небольшой санузел, так что, имея пропитание, она была избавлена от необходимости покидать свое укрытие. Сама комната, к слову, была крайне безобразна собой и искусственной позолотой на мебели, обилием зеркал и репродукций напоминала номер в дешевом придорожном отеле. Лорейн каждый раз вздрагивала, натываясь взглядом на свои бесчисленные отражения, потому первым делом сняла все зеркала, что не были привинчены к стенам, и собрала в углу комнаты, составив лицом к стене.

В наследство от Тайлера ей остались книги: несколько школьных учебников и кое-что из художественной литературы по программе старших классов. Немного, но хоть что-то. Увы, Лорейн никак не могла сосредоточиться, вынужденная по несколько раз перечитывать один и тот же абзац, и все равно не улавливала даже крупницы смысла. Телевизор ей смотреть не хотелось. По большей части она просто сидела на кровати, обняв колени руками, или лежала, отвернувшись к стене. Она то прокручивала в голове обстоятельства гибели кузена, то раздумывала, не совершить ли ей побег. Мысль была вялой и нежизнеспособной. Куда ей идти? У нее не было ни других родственников, ни друзей. Когда-то к отцу приезжали какие-то ученые мужи из Лондона, но девочка не помнила их имен и сильно сомневалась, что имеет хоть какое-то право навязывать им себя в качестве обузы. О родственниках матери она никогда не слышала, словно мать вообще возникла из ниоткуда. Была той самой волшебницей, заключенной в башне, пока отец не освободил ее от заклятия и не привез в этот дом. Дом, где она прожила ничтожно мало.

Лорейн догадывалась, что и ее заточение здесь не растянется на продолжительный срок. Дядя и тетя оправятся от потери и к осени подыщут для неугодной девчонки новую школу подальше отсюда. Нужно просто набраться терпения.

Но терпение иссякало. Девочка, привыкшая к одиночеству и тишине, вдруг обнаружила в себе острую потребность говорить. Ей хотелось высказаться, выплакаться кому-то, поделиться пережитым, получив утешение. За неимением такой возможности она обратила страх в ярость, а чувство вины в обиду. Лорейн искала, на кого бы выплеснуть бурный поток в своей душе, пока ей под руку не подвернулся злосчастный дворецкий. Как правило, он оставлял еду и ухаживал, но в этот раз почему-то задержался у двери. Она слышала его шаги, чувствовала присутствие.

Лорейн распахнула дверь и застыла. Слова внезапно встали комом в горле, вынуждая ее бессмысленно таращиться на мужчину с глупо открытым ртом.

— Как ваше самочувствие, мисс? — вежливо осведомился дворецкий. — Вам что-нибудь нужно?

С неудовольствием Лорейн обнаружила, что говорить, когда хочется кричать, совсем непросто. По-хорошему, ей стоило вспомнить уроки этикета, что давали в пансионе, поблагодарить мужчину за заботу и закрыть дверь. Не провоцировать на конфликт единственного человека, который в этом доме относился к ней с неким подобием доброты. И пусть лишь потому, что это входило в его профессиональные обязанности. Но Лорейн порядочно раздражала невозмутимость дворецкого, что вызывала острое желание сорвать эту маску вежливости и сдержанности, получить хоть какую-то эмоциональную отдачу. Что-нибудь, что поможет ей почувствовать себя живой. Реальным человеком, а не тенью, одним из призраков их старого дома.

— Что, черт возьми, мне может быть нужно?! — вспыхнула Лорейн. — Пистолет, чтобы застрелиться? Зачем вообще спрашивать? Просто оставьте его в следующий раз на подносе. Всем станет легче!

Ожидаемо, выпад не достиг цели. Его лицо оставалось по-прежнему невозмутимым. Дворецкий смотрел на маленькую госпожу со спокойным, отстраненным интересом, чуть склонив

голову к плечу, ожидая дальнейших выходов и причуд чудаковатой девчонки. А зрелищем она, должно быть, была еще тем: волосы сваялись в огромный колтун, старая пижама тети Присциллы вся измялась за часы, проведенные без сна, а из-за отсутствия солнечного света кожа приняла нездоровый оттенок папиросной бумаги.

— Как вам будет угодно, мисс, — наконец-то откликнулся Кристофер. — Вам понадобится руководство по обращению с оружием? Или другая литература?

Лорейн опешила. Искушение соблазниться столь щедрым предложением было велико, но она легко поняла, что дворецкий попросту издевается. Уголки его губ слегка дрогнули в пародии на улыбку и тут же обратно вытянулись в ровную линию.

— Вам смешно? — прошипела она. — Вы правда считаете это забавным?! Жуткая тварь убила человека прямо на моих глазах, просто-таки сожрала ему лицо — вот так потеха! И его не должно было там быть. Он оказался там из-за меня! Он умер из-за меня! — Она зажала себе рот руками и судорожно затрясла головой, осознав, что натворила. — Дикий кабан, — быстро поправила она саму себя, — это был дикий кабан. Он убил человека на моих глазах.

Дальше продолжать было нельзя, Лорейн остро ощутила необходимость спрятаться и убежать. Она захлопнула дверь, прижалась к ней спиной и сползла на пол, ероша пальцами давно нечесанные волосы.

— Разве не волк, мисс? — донеслось до нее.

— Я не знаю, что видела! Убирайтесь!

Не желая слышать даже звука его шагов, она ползком добралась до кровати, зарылась в развороченное постельное белье лицом и долго плакала, пока не уснула.

Лорейн удалось проспать всего несколько часов, и сон этот был поверхностным и тяжелым. Очнувшись, она нашла себя измученной, уставшей и будто простуженной, хотя давно не покидала комнату и все время была в тепле. Было непривычно темно, что еще больше дезориентировало девочку, потерявшуюся во времени. Сквозь неплотно прикрытые шторы лилась ночная синева. Значит, ночь.

Каждый вечер со смерти Тайлера Лорейн включала все светильники в комнате, избегая еще хоть мгновение провести во мраке. Немудрено, что сейчас она была напугана так сильно, что не могла осмелиться даже спустить ноги с кровати, чтобы добраться до ближайшей лампы. Она с головой закуталась в одеяло, надеясь, что под ним жуткие твари ее не найдут. Существо, прикончившее кузена, и само вскоре нашло свою кончину от рук красноглазого монстра, но, без сомнения, во мраке таились полчища других. Кровожадных, беспощадных, голодных созданий из страшных сказок отца. Теперь Лорейн не сомневалась. Теперь она думала, что именно твари убили отца, как и, наверное, маму. Ведь они что-то знали о тех, кто ночью выходит собирать свою жуткую жатву из невинных путников, кто по глупости или незнанию забрел в охотничьи угодья алчущих монстров.

Но кем же тогда был красноглазый? Какое место было отведено ему среди других порождений кошмара? Лорейн часто размышляла об этом. Он не тронул ее, ни в подвале, ни в ночь гибели Тайлера. Он звал ее своей хозяйкой. Он сказал, что как-то связан с отцом. Как давно он находился в саркофаге и для чего?

Кто же ты? Почему ты помог мне?

Лорейн медленно стащила одеяло с головы и первое, что она увидела, это два красных огонька в темноте. Как ни странно, ей стало спокойнее. Возможно, она просто была слишком напугана, чтобы испугаться еще больше.

— Ты здесь, — прошептала она.

— Вы звали меня, госпожа, — сказала создание.

— Я не... — Лорейн осеклась. От неприятной догадки у нее встали дыбом мелкие волоски на руках. Она заерзала на месте, пытаясь снять напряжение и найти более удобное положение. — Ты в моей голове, — догадалась она.

— Не совсем, — уклончиво ответил ночной гость, пристроившийся в изножье ее кровати. — Сомнительное удовольствие постоянно слышать мысли девочки-подростка. Но мы связаны телепатической связью. Вам достаточно позвать меня — и я приду.

Утешение было слабым. Лорейн сразу вспомнила бессонные ночи в пансионате, когда ее крики мешали спать другим. Ей также мерещились эти рубиновые глаза. Они преследовали ее повсюду. Если монстр увязался за ней следом, то соседкам по комнате крупно повезло, что ее быстро отселили в «отдельные апартаменты». Они бы тоже забыли покой, увидев такого визитера.

— Ты приходил ко мне и раньше? — пробормотала она. — В школу?

— Нет. Я не могу покидать особняк.

— Но как же лес? — Лорейн чувствовала себя наивным ребенком, засыпающим авторитетного взрослого бесчисленными вопросами об устройстве мира. В каком-то смысле, это было правдой. Создание, отчего-то настроенное к ней лояльно, было связующей нитью между Лорейн и миром отца, миром его сказок, преданий и суеверий.

— Вам крупно повезло, моя госпожа, ведь вы были предельно близки к границе, которую мне нельзя пересекать. За ней я не смог бы вам помочь...

— Ладно, — перебила она, входя в азарт, — но почему ты не можешь выходить за эту границу? Это как-то связано с моим отцом? Кем было то существо? Откуда оно здесь взялось? Что с ним случилось потом? Куда делось его тело? Полиция ничего не нашла...

Лорейн показалось, что монстр смеется, но она по-прежнему не была уверена, что слышит его голос по-настоящему, а не у себя в голове, оттого она могла ошибаться. Ей и самой в пору было смеяться над ситуацией — вот она сидит и среди ночи беззаботно, почти по-приятельски болтает с воплощением своих детских кошмаров. И ничуть его не боится. Ведь, благодаря недавнему горькому опыту, Лорейн поняла, что красноглазый — вовсе не тот, кого ей стоит опасаться. Есть другие. И даже не имея отцовских познаний обо всех этих невероятных вещах, девочка ощущала огромную разницу между двумя монстрами. Тот, кто убил Тайлера, был хищным зверем — им двигал лишь голод, вперед его вел слепой поводок инстинктов. У твари не было сознания в привычном понимании. А ее красноглазый друг имел нечто общее с человеком. Как минимум, он мог разговаривать и не торопился вонзить свои клыки в глотку Лорейн. На поляне она видела их демонстрацию, не менее жутких, чем у его соперника, так что была осведомлена о такой возможности, если ему вдруг надоест вести с ней светские беседы.

— Не все сразу, — осадил Лорейн монстр. — Вам слишком многое предстоит узнать, так что осваивать материал придется постепенно. Отрадно, что вы готовы приступить к обучению.

— К обучению? — оторопело повторила она.

— Да, моя леди. Вы унаследовали не только этот дом и свой амулет, но и обязанности, которые выполняли ваши предки, — важно пояснил красноглазый. — Все они, начиная с Абрахама Ван Хельсинга, были охотниками, хранителями мира людей от таких как... я, — закончил он не без удовольствия.

Лорейн аж на месте подпрыгнула от возбуждения. Она и думать забыла о своей печальной участи, сразу обратившись в слух. Ведь она слышала про Ван Хельсинга — краем уха от девочек в пансионате, жарко обсуждавших недавно прочитанный роман. Тогда она считала все это пусть интересным, но художественным вымыслом. Ей и в голову не могло прийти, что все это имеет отношение к ней. Выходит, если Ван Хельсинг был ее далеким предком, то существо, томившееся в подвале их дома, должно было быть никем иным, как...

— Так ты Дракула? — озвучила Лорейн свои догадки.

Монстр фыркнул совсем по-людски.

— Не хочется вас разочаровывать, моя госпожа, но нет, — сказал он почти обиженно. — Первые охотники давно уничтожили его, не без помощи моих братьев. Некоторые из нас были не меньше заинтересованы в мирном сосуществовании, чем люди, а то и больше.

— Тогда кто же ты?

— Часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо? — откликнулся ночной гость, и Лорейн снова померещилась насмешка в его загадочных словах. — Не имеет значения. Вы можете звать меня Эйден.

— Странное имя, — хмыкнула Лорейн, — но ты тоже вампир? Или это называется как-то еще? И ты пьешь кровь? Где ты находишь жертв, если не можешь покидать особняк? Почему ты помогаешь охотникам, если они, выходят, твои враги? Сколько тебе лет? Ты боишься солнца? Ты отражаешься в зеркалах? А что насчет чеснока, осины, серебра? Ты...

— Довольно, леди, — пресек бесконечный поток вопросов монстр. — Я думаю, что для начала вам стоит ознакомиться с записями отца. Я сохранил их для вас. Но делать это лучше на ясную голову. Вам пойдет на пользу крепкий сон.

И у Лорейн правда начали слипаться глаза. Мысли замедлялись, но за одну из них она цеплялась осознанно: это создание, кем бы оно ни было, солгало ей. Все-таки оно имело над ней власть, могло проникать в разум. Тогда, в подвале, оно загипнотизировало девочку, надоумив ее снять заклятие с саркофага. Делало это и сейчас — приказывая пасть в объятия Морфея. Сопротивляться было невозможно.

Она зевнула и сползла по подушкам, устраиваясь поудобнее. Впервые за долгое время ей было так же спокойно, как в далеком детстве, когда были живы родители; когда отец читал ей сказки, а мать пела свои волшебные колыбельные. Лорейн была в безопасности.

— Ничего не бойтесь, маленькая госпожа, — заверил Эйден, но она не понимала, слышит ли его снаружи или все же в своей голове, — засыпайте, я никому не позволю вас потревожить.

— Расскажи мне еще что-нибудь, — попросила Лорейн.

— Ладно, — сдался монстр. — Не сказку, но историю о ваших предках: о том, как на самом деле Абрахаму ван Хельсингу удалось одолеть могущественного Дракулу; о сыне Абрахама, овладевшем оккультным мастерством; о вашей бабушке — храбрейшей из охотниц; о вашем отце, избравшем знания, а не силу...

Лорейн так и не услышала ни одну из историй, в мгновение убаюканная мягким, обволакивающим голосом Эйдена. Проснувшись на рассвете, она, конечно же, не нашла его рядом, однако под подушкой ее ждал сюрприз — подтверждение того, что она не придумала визит монстра и разговор с ним. Толстая записная книжка, исписанная от корки до корки, несомненно, принадлежала отцу. На форзаце было выведено:

Милая моя, Лорейн. Надеюсь, ты никогда не прочтешь этих строк. Но если он передал тебе мои записи, значит, я мертв, а тебе предстоит заступить на свою службу. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы облегчить это бремя, поделюсь всем, что знаю и знал. Эйден поможет тебе. Он скорее умрет, чем позволит хоть волосу упасть с твоей головы. Ничего не бойся. Будь храброй.

Безумно любящий тебя папа.

Лорейн долго сидела в зыбких утренних сумерках, прижимая книжку к груди, пока глаза не заболели от продолжительных слез. Приказав себе собраться и скорее начать свое знакомство с миром неизведанного, она сбегала умыться, расчесала волосы и даже надела свежую одежду. В животе урчало, и она с неудовольствием подумала, что ей придется извиниться перед дворецким, когда он принесет завтрак. Слова отца вдохнули в нее силу и уверенность. Она не имела права ослушаться его наказа быть храброй.

Но в этот день Лорейн так и не приступила к своему обучению. Услышав крик в другом конце дома, она была вынуждена хорошо спрятать блокнот и покинуть свою крепость уединения. Спустившись в холл, она столкнулась с бригадой медиков и взволнованной горничной, от которой и узнала, что ночью тетя Присцилла пыталась покончить с собой.

Глава четвертая.

К вечеру того дня шум и обилие посторонних в особняке постепенно сошли на нет. В нем снова воцарилась прежняя печальная тишина, свойственная всем старым домам, повидавшим в достатке трагедий человеческих жизней.

Тетю Присциллу успели спасти, но, по настоянию врачей, ее поместили в клинику для пациентов с душевными расстройствами. Она нуждалась в постоянном присмотре и профессиональном уходе, ведь из-за передозировки снотворного чуть не потеряла зрение. Сбоили и другие системы в ее организме. Женщина почти не могла ходить, не разговаривала ни с кем, кроме Майлза. Уцелевший сын последовал за матерью — дядя Клиффорд арендовал ему квартиру недалеко от больницы. К тому же оттуда было удобнее добираться до Лондона, в пригороде которого базировался футбольный клуб Майлза.

Он не поступил в колледж, да и не сильно к тому стремился. Парень не проявлял также должного усердия к спортивным тренировкам, потому смог устроиться на работу лишь помощником. В его обязанности входили поддержание порядка в раздевалках, учет инвентаря, стирка полотенец и формы других членов команды. Должно быть, это его страшно злило, но, изредка наведываясь домой, он не заводил об этом речь из чистого упрямства. Он сам это выбрал. Некому было его осудить.

После того, как тетя Присцилла и Майлз покинули особняк, для Лорейн наступили по-настоящему славные времена. Она наконец-то была предоставлена сама себе. Дядя Клиффорд, погрузившийся в мрачную меланхолию, целыми днями пил, сидя у телевизора. К началу осени он спохватился, что девочке нужно где-то учиться, но не хотел особенно утруждать себя поисками, потому с сентября Лорейн зачислили в обычную школу в ближайшем городке, куда ей предстояло добираться самостоятельно. За лето она искренне полюбила пешие прогулки, и почти час в дороге не стал для нее основательным затруднением.

Так пролетел еще год, наверное, лучший год в жизни Лорейн. В новой школе ее неожиданно тепло приняли, у нее даже появилась подруга — славная девушка Холли Риз, да и родственники больше не пытались превратить жизнь Лорейн в ад. Она могла учиться, читать, гулять по окрестностям и спокойно изучать записи отца.

Дядя Клиффорд совсем не обращал на Лорейн внимания, больше занятый попытками смириться с утратой сына, психическим недугом жены и маячившим на горизонте неотвратимым банкротством. Он не винил Лорейн в случившемся, лишь иногда, предложив разделить с ним прием пищи, прогулку к озеру или поездку в город, умолкал и надолго задерживал на ней взгляд, выражение которого оставалось для Лорейн неясным. Это происходило лишь в редкие моменты, когда он не был чертовски пьян, а большую часть времени он едва держался на ногах. В осунувшемся, постаревшем на целую жизнь человеке, словно снова вспыхивала искра сознания, тень прежней живости, но тут же безвозвратно гасла. Он был лишь отголоском себя самого, бледной копией, выгоревшей на солнце репродукцией. Впрочем, для пьющего человека Клиффорд оказался на удивление мирным. Приняв на душу, он просто уходил в свою комнату, откуда до утра раздавались звуки бесконечных телепередач и зарубежных фильмов.

Майлз в свои приезды все же доставлял Лорейн неудобства, но к ее огромному везению был слишком занят работой и уходом за матерью, чтобы слишком часто ездить к ним в глушь. Он не мог отказать себе в удовольствии оскорбить или унижить кузину, напомнить ей о ее положении в семье и не последней роли в трагической гибели Тайлера. Поначалу Лорейн пыталась огрызаться и отвечать, но после того, как кузен вывернул ей руку, чуть не сломав запястье, избрала другую тактику. Она стойко выслушивала все гадости, потоком лившиеся изо рта кузена, подражая блистательному примеру невозмутимости Кристофера. У него было чему поучиться.

Теперь они с дворецким ладили куда лучше, хотя и он, к сожалению, не мог защитить Лорейн от нападок Майлза. Вмешательство кого-то со стороны лишь раззадорило бы его стремление донимать кузину. Не мог помочь и Эйден. Лорейн неоднократно жаловалась ручному монстру на мерзкое поведение брата, но он был непреклонен: Майлз один из Редгрейвов. Эйден не имел права вредить тем, в чьих жилах текла кровь его первого хозяина. Пусть ему и безумно хотелось этого.

Это условие вызывало у Лорейн сильные сомнения: зачем тогда отец, а то был именно он, запер Эйдена в подвале на долгие годы? До Джеральда монстр спокойно разгуливал по дому и, судя по его рассказам, сопровождал членов семьи в некоторых поездках. Он все же мог покидать особняк, но только с позволения хозяев, исполняя роль их телохранителя во время самых опасных вылазок. Бабушка Лорейн, имевшая славу блистательной охотницы, сражалась с ордами жутких тварей плечом к плечу с Эйденом. А ее отец брал вампира даже в Новый Свет, отправившись туда обмениваться опытом с местными коллегами. Да, были и другие — старые семьи, хранители мира и знаний. В Великобритании, в Европе и за океаном. Все они поддерживали связь. Лорейн еще предстояло быть введенной в их тайное общество по достижению совершеннолетия. Казалось, что до него еще целая вечность. Ей было всего шестнадцать, и она только делала первые шаги на этом пути. Трудные шаги.

Голова пухла от попыток усвоить огромные объемы информации. Отец подошел к своим записям очень дотошно, он боялся упустить малейшую деталь. Лорейн приходилось по тысяче раз перечитывать одни и те же страницы. К ее удивлению и ужасу, мир населяло бесчисленное множество разных созданий. Одних только видов вампиров, вопреки сформировавшемуся предубеждению, существовало огромное множество. Высшие и низшие; натурально и искусственно созданные (в свою очередь делящиеся на обращенных, проклятых и далее по списку...), древние; чужаки. Лорейн с особым интересом изучала именно подразделы существующих носферату, все силясь определить куда-нибудь Эйдена. Спрашивать напрямую было бессмысленно — монстр отличался особенной скрытностью. Он без восторга отвечал на глупые вопросы Лорейн, а когда она пыталась узнать что-то о нем самом, всегда принимался увиливать. Она давно его не боялась, но все же благоразумно принимала некоторые навязанные им правила и не препиралась.

Например, он приходил только ночью, избегая попасть на глаза кому-нибудь из домочадцев, и запрещал включать свет. Он объяснил это тем, что в прошлый раз, когда Лорейн имела счастье лицезреть его облик, она свалилась в обморок и поседела. И пусть ее психика окрепла с годами, с нее хватит одних только красных глаз, клыков и размытой, словно начертанной черной тушью, фигуры. Жаль, ведь детали его внешности могли дать Лорейн хоть какую-то подсказку.

После школы Лорейн шла в городскую библиотеку и просиживала там допоздна, выискивая информацию, которая могла пролить свет на множественные загадки. Не только о ее ночном визитере, но и других созданиях, таящихся во тьме. Теперь она понимала жаркий интерес отца к фольклору и любым суевериям. Пользу имели любые свидетельства столкновений людей с неизведанным. Лорейн выписывала все в тетрадь, чтобы дополнить отцовскую коллекцию знаний, и, возможно, когда-нибудь передать ее следующему Редгрейву. Она, конечно, сомневалась, что будет кто-то после нее.

Зачем создавать семью и заводить детей, обрекая их жить в вечном страхе и учиться охотиться? Быть отрезанными от обычных людей, не имеющих представления обо всех этих безумных вещах. Ван Хельсинг, его сын, бабушка Лорейн и даже Джеральд были жестокими сумасшедшими, раз осмелились продолжить род. Лорейн претило понятие долга. Ни под каким благовидным предлогом она не желала кому-то той жизни, которую унаследовала. Она предпочла бы поставить точку.

Эти мысли всегда наводили на нее тоску, и сейчас им вторил унылый дождь, забарабанивший в стекла. Лорейн оторвалась от чтения и глянула за окно библиотеки. Она так увлеклась, что не заметила, как проторчала здесь до глубокой темноты. Часы показывали начало десятого. Странно, что ее не выгнали. Скорее всего, подслеповатый старичок-библиотекарь проглядел девчонку, забившуюся в самую дальнюю часть зала.

Сама виновата, что не следила за временем, — пожурила она себя.

Последний автобус, шедший до ближайшей к дому развилки, уже давно уехал. Теперь придется идти пешком в потемках, под усилившимся к ночи дождем. До особняка она доберется с ног до головы в грязи из-под колес проезжих мимо автомобилей. Ее путь пролегал по обочине шоссе, а дальше по разбитой дороге, в непогоду превращавшейся в одну непроходимую колею с серой водой. Лорейн уже проворачивала это, также засидевшись допоздна. В других обстоятельствах она бы получила удовольствие от прогулки, но сегодня у нее не было с собой ни зонта, ни дождевика, ни хоть какого-то оружия.

В этих местах не водилось опасной нечисти, а низший вампир, прикончивший Тайлера, приболудился сюда случайно. Куда большую угрозу представляли люди. Как-то раз Лорейн едва отбилась от неприятного водителя, настойчиво предлагавшего «милрой крошке» сесть в его жуткую колымагу. В такие моменты, как тогда и сейчас, она жалела, что ее ручной монстр заперт в особняке. Лорейн без сомнения позволила бы ему преступить границу, чтобы прийти к ней на помощь. Ей не помешала бы его защита. Но она догадывалась, какой суеверный страх испытали бы жители городка, явись за ней огромная красноглазая тень. Обличье Эйдена не годилось для выхода в люди.

Лорейн быстро покидала вещи в сумку, запахнула легкую курточку и выбежала на улицу. Для конца августа вечер выдался нетипично холодным, будто уже давно наступила глубокая осень. Мостовая блестела в желтом свете редких фонарей. Всего за пару минут Лорейн успела изрядно промокнуть. И очень кстати заметила машину Клиффорда на противоположном конце улицы.

Она напряглась: скорее всего, что-то случилось. Дядя не приехал бы за ней просто так. Как минимум, он редко бывал достаточно трезв, чтобы сесть за руль, не подвергая себя риску попасть в аварию. Что-то с тетей Присциллой? Лорейн позабыла старые обиды и прониклась к бедной женщине сочувствием, какой бы вздорной и эксцентричной та не была, судьба ее сложилась крайне печально.

Лорейн забралась на заднее сидение и, отряхиваясь от воды, собиралась с силами, чтобы задать вопрос. Но, когда она подняла глаза на водителя, необходимость что-то спрашивать отпала сама собой. Место дяди занимал Кристофер.

— Дядя в порядке? — на всякий случай все же уточнила она. Пока Лорейн беспокоилась о Клиффорде, ей меньше хотелось обругать дворецкого за навязчивую заботу. И пусть Лорейн была благодарна, она боялась общественного мнения — что станут говорить люди, а особенно учителя и одноклассники, заметив несовершеннолетнюю особу в обществе взрослого мужчины, что не являлся ее родственником? Слухи разлетятся быстрее, чем Лорейн успеет оправдаться и объяснить, что Кристофер просто работает на их семью.

— Да, мисс, — ответил дворецкий. — Он интересовался, куда вы пропали, и распорядился сопроводить вас домой.

Лорейн недоверчиво изогнула бровь — Клиффорд, серьезно? Большую часть времени он был так пьян, что вообще не помнил о том, что у него есть племянница. С чего вдруг такая забота? Куда вероятнее, что дворецкий сам заметил ее отсутствие и проявил инициативу. Это льстило и одновременно раздражало. Да, они более-менее поладили, почти подружились, но...

Но их сближение началось с той шутки про пистолет. Через несколько дней, как страсти из-за несостоявшегося суицида тети Присциллы утихли, Лорейн нашла на подносе под две-

рю красивый дамский револьвер, коробку патронов и руководство по эксплуатации и уходу. Первой ее мыслью было найти Кристофера и швырнуть ему щедрыми подношениями в лицо, но потом Лорейн придумала кое-что получше. Она изучила руководство, зарядила пистолет и, выгадав момент отсутствия дядюшки, явилась к дворецкому. Она приставила револьвер к своему подбородку и взвела спусковой крючок.

— Вы этого хотели? — запальчиво осведомилась она. — Наслаждайтесь. Я не могла лишиться вас удовольствия посмотреть, как вышибу себе мозги.

— Вряд ли подобное зрелище доставит кому-либо удовольствие, — резонно заметил он, привычно оставаясь невозмутимым. — Вы ошибаетесь, мисс. Я всего лишь счел, что вам пригодится средство самообороны во избежание подобных инцидентов, — разумеется, он имел в виду гибель Тайлера, якобы от клыков дикого зверя. Лорейн не стала говорить, что, будь у нее тогда пистолет, первая пуля предназначалась бы кузену.

Честный ответ обезоружил ее. Она вернула курок в прежнее положение и убежала, чтобы развеяться, запершись в комнате. Лорейн не привыкла к проявлениям доброты и заботы от окружающих, тем более от совершенно чужого человека. Даже родственники относились к ней хуже. Выходит, дворецкий был не таким уж и плохим малым. Лорейн признала, что ей не стоит больше спускать на него всех собак. Хотя временами все еще хотелось.

Как сейчас. Чувство благодарности быстро сменилось в ней раздражением.

— Понятно, — хмуро кивнула Лорейн, — но больше, пожалуйста, никогда так не делайте, ясно? Я способна сама добраться до дома, не нужно приезжать за мной, ни сюда, ни тем более в школу. Нас не должны видеть вместе!

— Кажется, я чего-то не знаю о наших отношениях, мисс, — усмехнулся он. — Отчего они нуждаются в такой строгой конфиденциальности?

Лорейн пожалела, что тогда приставила пистолет к своему подбородку, а не выстрелила в этого пересмешника. Она и без его колкостей залилась краской, представляя, с какой страстью одноклассники ринутся судачить у нее за спиной.

Пусть не только мне будет неловко, — решила она.

— Кристофер, сколько вам лет? — ядовито осведомилась Лорейн.

— Какое это имеет значение?

Дворецкий был не менее, а то и куда более скрытной персоной, чем ее ручной монстр. За год условно-дружеского общения, обмена остротами и любезностями, Лорейн не узнала практически ничего о его жизни вне особняка. Откуда он родом, есть ли у него семья, друзья или иные близкие люди, где он учился, чем увлекается или интересуется. Кристофер всегда мягко переводил тему, стоило ей завести об этом речь. В результате она сформировала две версии: мрачную и печальную. Или он какой-то маньяк, скрывающий темное прошлое, или просто очень одинокий человек, у которого нет ничего, кроме работы. Последнее казалось донельзя странным, ведь Лорейн не замечала в нем малейшего изъяна, вынуждавшего искать уединения в глуши.

— Не важно, — сдалась Лорейн, — в любом случае вы старше меня. Мне шестнадцать, а в таком возрасте неприемлемо разъезжать в машине со взрослым мужчиной на ночь глядя. Что подумают люди? Вдруг они решат, что я занимаюсь проституцией или еще невесть чем?

Ее эскапада вызвала у Кристофера лишь сдержанный смешок.

— У ваших дяди и тети раньше был личный водитель, — напомнил он, — который каждый день отвозил близнецов в школу, а после забирал обратно. Выходит, Майлз и покойный Тайлер тоже страдали от подобных подозрений? Это многое бы объяснило.

— Господи, — простонала Лорейн и спрятала лицо в ладонях. Она могла продолжить спорить, используя аргумент, что братья, на минуточку, мужчины, а значит, для них допустимо многое, за что будет осуждена женщина, но не стала. Ей пришлось признать поражение — Кристофер ловко загнал ее в тупик. Это было унижительно.

Она сама придумала все эти возможные подозрения, потому что они ей по-своему нравились. Ей хотелось наделить простую поездку до дома в компании работника дяди каким-то скрытым смыслом. И Лорейн винила во всем свою школьную подругу, Холли, натуру романтическую и в чем-то наивную. Холли уже всюю интересовалась противоположным полом и не оставляла надежд заразить этим и Лорейн, чтобы обрести в ней достойного собеседника. Пока Лорейн лишь пропускала ее болтовню мимо ушей. Но ее проницательный ум не мог проигнорировать новые критерии оценки окружающих, пусть и столь примитивные. Из-за Холли Лорейн была вынуждена отметить, что их дворецкий молод, хорош собой, имея холодную, аристократическую красоту. Были у него и другие достоинства, вероятно, пришедшиеся бы по вкусу Холли. Она уже пыталась набиться к ним в гости, слышав, что в особняке работает мужчина примерно тридцати лет, а значит, еще не дед, но уже далеко не прыщавый подросток, как все их сверстники.

— Так что, мисс? — поторопил Кристофер. — Домой? Или поискать гостиницу? Вы уже определились с почасовыми расценками?

— Дядя уволит вас, если узнает о дурацких шуточках, — буркнула Лорейн, старательно пряча улыбку.

— Сомневаюсь, что вы поставите его в известность, — беззаботно откликнулся он.

Лорейн помотала головой. Нет, дяде Клиффорду точно не нужно знать. Эта мысль доставляла ей мстительное удовольствие.

Ей вдруг стало хорошо — в тесном темном салоне автомобиля, под стук дождя, наедине с этим человеком, далеко от дяди, утопающего в скорби и алкоголе, далеко от монстров и запутанных записей отца.

— Он приказал мне приехать за вами, — сказал Кристофер и добавил с искренним сожалением в голосе, — а по пути раздобыть ему что-нибудь выпить. Кажется, он опустошил все запасы.

Лорейн покосилась на зеркало заднего вида, где отражались только устремленные к ней темные глаза мужчины. Взгляд был нечитаемым. А ей до смерти хотелось разобрать в нем хоть какое-то выражение. Понять, что о ней думает этот человек. Как он к ней относится? Сочувствует печальной жизни бедной сиротки, о которой совершенно некому позаботиться? Сердится на вздорную девчонку с плохими манерами? Или... Варианты быстро иссякали.

Не выдумывай лишнего, — приказала себе Лорейн. Забившись в самый угол сидения, куда не падал свет, она прижала колени к груди и обняла их руками, чтобы согреться. Вряд ли Кристофер по-настоящему считает ее даже своим другом, поддерживая беседы только в рамках исполнения своих обязанностей. Забота о ней — тоже всего лишь часть его долга.

А скоро им нечем будет платить. Хороший год заканчивался. С конца весны на горизонте замаячила новая беда: средства семьи неумолимо иссякали. Дорогостоящее лечение тети Присциллы нанесло сокрушительный урон и без того шаткому положению Редгрейвов. Летом Майлз начал оплачивать съемную квартиру из собственного жалования. Дядя Клиффорд уволил почти всю прислугу, кроме Кристофера и престарелой горничной. Лорейн не раз видела, как дядя собирает по дому безделушки жены, а после увозит их на продажу. Он сказал Лорейн тоном, нетерпящим возражений, что осенью она тоже пойдет работать.

Так что в шутке Кристофера про почасовые расценки была слишком большая доля истины.

Лорейн прислонилась головой к стеклу, провожая взглядом уютный свет окон небольших кирпичных домиков на окраине города. Праздное созерцание пейзажа избавляло ее от неловкой необходимости смотреть на дворецкого, когда она осмелится спросить то, что так и вертелось на языке.

— А вы бы меня сняли?

— Что, простите? — в кои-то веки ей удалось застать мужчину врасплох. Он по-настоящему удивился ее вопросу.

— Ну, если бы я была проституткой, — уточнила Лорейн, — и оказывала такие услуги? Сняли бы?

Двигатель автомобиля урчал, как задремавший зверь, а снаружи протяжно завывал ветер. Тишина в салоне резко стала особенно острой. Она задержала дыхание, ожидая вердикта. Или замечания, вполне заслуженного. Приличной девушке не подобает спрашивать о подобных вещах, даже допускать такие мысли.

— Нет, мисс, простите, — помолчав, ответил Кристофер. — Не принимайте близко к сердцу, но на мой вкус вы слишком юны.

Лорейн показалось, что он оправдывается. Она тут же одернула себя — не имеет значения. Тему лучше закрыть раз и навсегда, если она не хочет лишиться одного из немногочисленных друзей еще до того, как дворецкий покинет их из-за невозможности платить жалование. Скорее всего, осталось не так уж и долго. Разве что Лорейн и вправду начнет карьеру жрицы любви, чтобы заработать на сохранение буржуазного уклада жизни Редгрейвов.

— Ясно, — мрачно хмыкнула она. Лорейн не должна была, но все равно отчего-то чувствовала себя уязвленной.

Глава пятая.

Лорейн осмотрела полки и еще раз сверилась со своим списком, убеждаясь, что ничего не пропустила. Рабочая смена заканчивалась, и ей совсем не хотелось задерживаться сверх положенного времени, разыскивая закатившуюся куда-нибудь банку с консервированным горошком.

Ей повезло. Достойная подработка нашлась сама собой: отец Холли держал в городе бакалейную лавку. Холли помогала с ее содержанием и, заслышав, что подруга подыскивает себе место, предложила разделить с ней обязанности. Кто же от такого откажется? Холли была в восторге, что теперь они будут коротать время вместе. К несчастью, Холли была болтливой и неусидчивой, поэтому Лорейн частенько приходилось тщательно перепроверять все за ней, чтобы избежать недовольства хозяина. Временами сильно раздражала ее безответственность. И чего утруждаться? Ее дома ждали вкусный ужин и любящие родители.

Лорейн же по возвращению в особняк еще предстояло просмотреть больничные счета, прикинуть, что из тетиного добра можно продать, чтобы покрыть хоть часть долгов, «поухаживать» за дядей Клиффордом, сделать уроки и, в идеале, еще посидеть над отцовскими записями. Обычно она едва успевала выполнить свой внушительный список дел, жертвуя сном, и приезжала в школу заспанной и несчастной.

— Все-таки не понимаю... — задумчиво протянула Холли, наблюдая за тем, как подруга переставляет на место пакеты с мукой, по неведомой причине очутившиеся не в той секции подсобки. — Зачем тебе работать? Вы же так богаты.

Лорейн невесело усмехнулась ее комментарию. В школе она старалась не выделяться, но ученики все равно как-то прознали, что она живет в старинном поместье за городом. Истинное, плачевное положение Редгрейвов тщательно скрывалось. Как и диагноз тети Присциллы. По официальной версии, она покинула семью, чтобы ухаживать за немощными пожилыми родственниками в каком-то северном графстве.

— Хочу сама скопить денег на колледж, — быстро соврала Лорейн. Холли снова и снова поднимала эту тему, вынуждая повторять одну и ту же глупую ложь.

Холли поморщила курносый носик.

— Твои родственники очень странные, — заключила она. — Зажимать деньги на твое образование и при этом содержать такой дом, прислугу, водителя...

Лорейн подняла на нее глаза — так вот в чем дело. Холли, скорее всего, давно смирилась, что не получит вменяемых ответов на свои вопросы. Она жаждала разнюхать что-нибудь про дворецкого. И сейчас Лорейн предстояло очень шустро попрощаться, вылететь на улицу и запрыгнуть в машину, пока подружка под каким-нибудь невинным предлогом не увязалась за ней. Например, подбросить и ее, хотя жила Холли в двух шагах.

— По правде... — вздохнула Лорейн, — наши дела идут не очень. Но мне пора, Холли! До завтра!

— Но...

Лорейн ввалилась на заднее сидение и хлопнула дверцей автомобиля так громко, что жители нижних этажей, должно быть, повыглядывали в окна узнать, что там стряслось.

— Быстрее, — взмолилась она вместо приветствия.

— За вами кто-то гонится? — полюбопытствовал Кристофер, но просьбу исполнил. Из-за того, что Лорейн частенько задерживалась в магазинчике допоздна, он стал приезжать за ней чаще. На дворе стоял бесснежный декабрь и темнело очень рано. Она не спорила — Лорейн жутко уставала в школе и на сменах, потому признавала, что не осилит еще и долгий путь домой.

Мимо проносились уютные небольшие домики, в окнах которых тут и там уже виднелись первые украшения к Рождеству. В особняке к нему никто не готовился. Дядя Клиффорд, кажется, не заметил, что на носу зимние праздники, а Лорейн стало дурно от одного только вида модных елочных игрушек, приобретенных тетей Присциллой. Она предпочла оставить их в коробке и обойтись совсем без праздничных атрибутов.

— У меня для вас две новости, мисс, — сказал дворецкий, — и обе плохие.

Он неотрывно смотрел на дорогу — на снежинки, кружащиеся в свете фар. И хорошо, потому что, как заключила Лорейн, вождение автомобиля не являлось сильной стороной их наемного работника. Они не раз были предельно близки к тому, чтобы попасть по пути в аварию. Впрочем, будь на его месте вечно нетрезвый дядя Клиффорд, они бы давно уже были мертвы. Лорейн задумывалась, не освоить ли ей это искусство самой, и как раз планировала попросить у Кристофера пару уроков. Это заметно упростило бы ей жизнь и сберегло нервные клетки.

— Что там?

— Гости.

— Ох, боже мой, — простонала она, без лишних уточнений догадавшись, кто именно почтил особняк своим визитом. — А что еще?

— Кухарка ушла, — отчитался дворецкий, — но я подыскал ей замену. Сейчас нужно будет кое-куда заехать. Миссис Кулидж уже работала в вашем доме и согласилась вернуться к прежним обязанностям.

Миссис Кулидж, — повторила Лорейн про себя. Фамилия показалась ей смутно знакомой. Не та ли это древняя старушка, что некогда заботилась о них с отцом? Она едва ли помнила. В нынешних обстоятельствах Лорейн не имела возможности выбирать и ставить условия. Кристофер подсуетился очень кстати. Удивительно, что кто-то вообще согласился пойти к ним за мизерное жалование с постоянными задержками выплат. Странно, что и он сам все еще выполнял свою работу. Лорейн все больше склонялась к тому, что догадки о его темном прошлом — правда, и ему самому удобно прятаться в удаленном от цивилизации доме, остерегаясь правосудия за свои кошмарные проступки.

Они свернули с шоссе на узкую дорогу, петлявшую между деревьев. Пока дворецкий заходил в маленький покосившийся домик миссис Кулидж и помогал ей устроить сумки в багажнике, Лорейн сидела, опустив оконное стекло, и слушала звуки ночного леса. Она гадала, что таится там — в темноте? Наконец дверца приоткрылась, впуская в салон женщину настолько миниатюрную и древнюю, будто она застала еще времена королевы Виктории.

— Лорейн! — старушка обратила к Лорейн подслеповатые глаза. — Как же ты подросла! Я помню тебя еще совсем крошкой.

Лорейн не могла ответить ей тем же. Чем старше она становилась, тем туманнее были ее воспоминания о ранних годах жизни.

— Здравствуйте, миссис Кулидж, — вежливо поздоровалась она. — Спасибо, что согласились работать на нас в таких стесненных обстоятельствах...

— Не стоит, — рассмеялась пожилая леди. — Все мы лишь исполняем свой долг. Не правда ли, друг мой? — это относилось уже к дворецкому.

— Верно, миссис Кулидж, — подтвердил он, чуть нахмурившись.

— Смотрю, ты обзавелся кое-какими манерами, — сказала миссис Кулидж. — Похвально.

Лорейн отвернулась к окну. Ей не хотелось знать, откуда и насколько давно эти двое знакомы, как и взвешивать в уме странные слова старухи про долг. Ей еще предстояло пережить очередную, скорее всего, крайне неприятную встречу с ненавистным кузеном.

Майлз был в своем репертуаре. Демонстрацию омерзительного характера он начал сразу же, стоило ему завидеть Лорейн, отряхивающуюся от снега в дверях. Вся его поза транслировала подавляющее превосходство — распрямленные плечи, руки, утопающие в карманах, и зажатая в зубах сигарета. Теперь никто не запрещал ему дымить в доме. Клиффорду было плевать, а Лорейн не хватало силы духа сделать ему замечание.

— Мне тут птичка нашептала, что ты нашла работу, — протянул кузен, осматривая сестру с ног до головы, пристально, до неприличия, — но для уличной девки у тебя сомнительный товарный вид.

— И тебе добрый вечер, Майлз, — сухо ответила ему Лорейн. Она собиралась прошмыгнуть мимо него на лестницу, но кузен удержал ее за предплечье. Он наклонился, угнетая Лорейн массивами своей фигуры.

— Лучше бы торговала собой, сестрица, — понизив голос, заговорил он. — Платили бы поприличнее. Что тебе стоит? Ты меня не обманешь, тупая мелкая шлюха. Ты же спала с моим братом? Для этого заманила его тогда в лес? Отвечай!

Его прервало сердитое кашлянье миссис Кулидж, задержавшейся в дверях, чтобы понаблюдать эту некрасивую сцену. Присутствие постороннего человека окончательно сгустило краски. Задышавшись от злости, смущения и стыда, Лорейн пулей умчалась наверх и заперлась в своей комнате.

Счета, — напомнила она себе. Уроки. Отцовские записи. Ей некогда оплакивать собственные обиды.

Лорейн просидела над бумагами много часов подряд и не планировала спускаться к ужину, но дядя Клиффорд сам явился за ней, чем скорее разочаровал ее. Она предпочла бы увидеть на пороге Кристофера с сервированным подносом, втащить его в комнату и хорошенько расспросить об обстановке в доме. Но дворецкий куда-то запропастился. А дядя Клиффорд был на удивление трезв. Он попросил Лорейн составить им с Майлзом компанию, и Лорейн стало неловко отказывать.

Также, как когда-то она умудрилась привязаться к своей одинокой комнатке в школе-пансионе, за год соседства под одной крышей Лорейн прикипела и к дяде. Он не был груб или жесток с ней, и Лорейн невольно сопереживала его глубокому горю. Он пил не от счастливой жизни и много раз пытался завязать... Да не смог, даже когда его из-за частых прогулов выкинули с работы. Он все больше сдавал и опускался на дно. Видеть его хоть сколько-то похожим на прежнего себя было приятно. Ради такого можно было потерпеть и придирки Майлза.

Миссис Кулидж довольно быстро успела освоиться в доме и каким-то невероятным образом наколдовала из почти закончившихся продуктов приличный ужин. Майлзу она, конечно, не понравилась. Проводив взглядом женщину, он прокомментировал:

— Откуда только взялась эта старая ведьма?

— Мы взяли ее на место прежней работницы, которой надоели задержки жалования, — отчеканила Лорейн. Ее руки сами собой сжались в кулаки. Ладно еще она. Но пожилая леди, любезно согласившаяся на крайне невыгодное предложение работать здесь, ни в чем не виновата.

— К чему вам вообще прислуга? — резонно спросил кузен. — Вы могли бы обслуживать себя сами. Сестра, ты-то хоть готовить умеешь?

— Не поверишь, умею, — хмыкнула Лорейн, — но ты прав. Прислуга в нашем положении — непозволительная роскошь.

— Нам нужен человек, чтобы приглядывать за домом, — вмешался до того молчавший Клиффорд. Лорейн недоуменно вскинула брови — разве не за этим здесь находился Кристофер? И что дядя имел в виду? Явно не уборку — жилые помещения пребывали еще в худобно приличном состоянии, но комнаты, которыми они не пользовались, заросли пылью и

паутиной. По-хорошему, дом стоило продать. Нравилась такая затея Лореин или нет, она признавала острую необходимость. И боялась, что рано или поздно кто-нибудь из родственников заведет об этом речь. Она все собиралась обсудить это с Эйденом: что делать, если им придется покинуть место, к которому он привязан, или вампир останется в наследство новым хозяевам? Сможет ли монстр прятаться в крохотной городской квартире?

— Дом давно нужно было выставить на продажу, — озвучил ее опасения Майлз. Он был серьезен. Шутки и оскорбления кончились. Каждый из них понимал, что дальше будет только хуже. За лечение тети нужно чем-то платить, а долги все множились.

— Нет, — вдруг жестко сказал дядя Клиффорд. — Мы не будем этого делать.

Майлз будто ждал подобной реакции. Вероятно, они с отцом уже затрагивали щекотливую тему у Лореин за спиной, и дядя все еще стоял на своем. Поразительно, откуда в нем взялись силы для такого упорства. Лореин казалось, что он давно утратил остатки воли.

— Как скажешь, — вздохнул Майлз. — Тогда мы можем сдать его внаем, а вы переберетесь куда-то еще.

Его слова звучали весьма рационально. Лореин заинтересованно прищурилась — с этой стороны она Майлза совсем не знала. Его яростная ненависть мешала ей признать, что в остальном, быть может, кузен не такой уж и плохой парень. Он обеспечивал себя сам, присылал остатки денег им, ухаживал за больной матерью. Ему пришлось тяжелее всех — он потерял брата-близнеца. Конечно, он винил во всем девчонку, чье появление разрушило их прежний мирок.

— Нет, — продолжал настаивать Клиффорд. Он щедро пригубил вина. Сделал следом еще глоток, а после разом опустошил остаток в бокале. Он слишком долго держался.

— Да это просто смешно! — вспыхнул Майлз. — Отец, не понимаю, что на тебя нашло. Мы скоро пойдем по миру, а тебе куда важнее сохранить какие-то старые развалины! Да этот сраный дом проклят: здесь умерли твой брат и Тайлер, чуть не погибла мама! Ты хочешь последовать за ними? Скажи ему, Лореин.

Лореин осторожно покосилась в его сторону. Впервые, наверное, с момента ее возвращения из школы кузен назвал ее по имени. Не «белой крысой», «тупой шлюхой», а по имени. Выходит, он настроен крайне решительно.

— Мы... — начала она, но дядя ее перебил:

— Это не обсуждается. Мы не продадим дом. И никаких съемных жильцов тут не будет.

Майлз вскочил и тут же грузно плюхнулся на место. Он выудил из кармана сигареты и закурил прямо за столом.

— Ладно, будь по вашему, — удрученно признал он. — Тогда у меня есть запасной план. Недавно я познакомился с одним богатеньким американцем. Я могу представить ему Лореин, а дальше в ее интересах сделать так, чтобы он осыпал нас деньгами...

— Довольно! — рявкнул Клиффорд и ткнул пальцем в сторону сына. — Ты не будешь распоряжаться судьбой своей несовершеннолетней сестры и подкладывать ее в чужие постели, ясно тебе?

— О, надо же, — искренне изумился Майлз.

Он потушил окурок в тарелке с недоеденной едой и решительно встал.

— С меня хватит, — провозгласил он. — Я вызову себе такси.

Лореин проследила за тем, как он уходит, и перевела взгляд на дядю. Она не могла поверить, что он так горячо вступился за ее честь, приняв сторону не родного ребенка, а прежде презренной племянницы.

— Спасибо, — пробормотала она.

Клиффорд подобрал со стола початую бутылку вина и тоже заторопился убраться в свою спальню. В дверях он остановился и, не оборачиваясь, бросил:

— Тебе тоже лучше уехать, Лореин. Сразу, как представится возможность.

А вот это уже звучало донельзя подозрительно.

Лорейн проснулась посреди ночи от ощущения, что за дверью ее комнаты кто-то стоит. Вытащив из-под подушки револьвер, подаренный дворецким, она, крадучись, подобралась поближе. Как она ни напрягала слух, легкое движение и дыхание снаружи было слишком тихим, чтобы распознать, кому оно принадлежит. Там, определенно, кто-то был. Но кто и зачем явился к ней в столь поздний час?

Лорейн сделала осторожный шаг назад. Она терялась между страхом и волнением. Что если это...

— К... — прохладная ладонь, сотканная из тьмы, легла ей на губы, подавляя звук.

Тише, госпожа, — прошепестел Эйден, возникнув позади нее. Не выпуская Лорейн из захвата, он спроводил ее обратно к постели и усадил на нее. Ощущать его так близко было странно — словно по коже сквозил легкий сквозняк, пробравшийся в незакрытую форточку. Прикосновения монстра оказались вполне материальными, хотя прежде он представлялся ей лишь сгустком ночной тьмы. Они были реальны. Бережные и почти невесомые.

Задержав дыхание, Лорейн вслушивалась, пока удаляющиеся шаги за дверью не возвестили ее о том, что незваный гость ушел.

— Есть вещи, от которых я не смогу вас уберечь, — признал Эйден, и голос его прозвучал будто печально. — Вам придется защищаться самой.

— О чем ты? Что происходит? — растерялась Лорейн, но монстр не торопился с ответом. Она немного успокоилась, и страх быстро сменился раздражением. Раз уж тварь обязана прислуживать ей и во всем подчиняться, хватит увиливать. — Ах, выходит, ты не такой всемогущий, как хочешь казаться, — ядовито проговорила Лорейн. — Есть что-то, что тебе не по зубам?

— Можете думать, как вам нравится. Я не собираюсь спорить с вами, леди.

— Тогда проваливай! — рявкнула она и, вырвавшись, потянулась к лампе на прикроватной тумбочке. Свет ударил по глазам, вынуждая ее зажмуриться. Она просидела так с минуту, и, открыв глаза, была уже одна.

Лорейн знала, что уже не уснет, потому извлекла из тайника записную книжку отца и взялась за дело.

Она решила, что приступит к осуществлению своего плана, как только у нее выдастся свободный день от уроков в школе и выходной на работе. В итоге она до вечера провалялась в постели, бесцельно листая любовный роман, одолженный у Холли, и слушая концерт по радио. Из дома Лорейн вышла уже в потемках, а за ней, конечно же, увязался Кристофер. Она не стала препираться, рассудив, что его, безусловно, приятная компания скрасит ее одинокую прогулку.

Под ногами хрустел свежий снег, дыхание клубилось в морозном воздухе, а декабрьские звезды были по-особому яркими. Лорейн притормозила на опушке леса, чтобы взглянуть отсюда на особняк, в котором сейчас горело всего несколько окон. Его черный силуэт мрачной громадой высылся на фоне синего неба и голых деревьев.

— Мисс, вы уверены, что вам стоит... — осторожно начал ее спутник, но осекся, награжденный гневным взглядом.

— Кристофер, если мы уже здесь, значит, я уверена, — заносчиво постановила Лорейн.

Воспоминания о пережитом кошмаре померкли, а лес как нельзя лучше подходил для ее задумки. Насмехаясь в лицо призраку прошлого, она направилась именно на ту самую поляну, ставшую местом гибели Тайлера.

Лорейн осмотрелась, выискивая подходящую точку, и заметила идеальный, по ее мнению, куст. Именно на его ветки она водрузила принесенную с собой мишень, выведенную на тетрадном листе.

— Вы умеете стрелять? — спросила она.

Кристофер молча наблюдал за ее приготовлениями и ответил не сразу:

— Немного.

Она усмехнулась своим мыслям. В приоритете для нее были собственные упражнения в стрельбе, но Лорейн намеревалась подначить и дворецкого, чтобы понаблюдать, как он обращается с оружием. Это подтвердило бы ее догадку о том, что он преступник, скрывающийся в их доме от полиции. Какой-нибудь психопат, как в фильмах Альфреда Хичкока, прикончивший кучу людей самым жестоким способом из всех возможных. Вот и объяснение его подозрительной скрытности.

Но пистолет Лорейн оставила на потом. В первую очередь она извлекла из сумки несколько ножей, прихваченных с кухни. И ей пришлось изрядно побегать по полянке, собирая их в сугробе, ведь ни один из ее бросков не достиг цели. На ее меткости не лучшим образом сказывалась привычка к чтению в темноте — зрение неумолимо садилось. Через год, а то и меньше, ей придется обзавестись очками.

— Разрешите поинтересоваться, чем вы занимаетесь, мисс? — полюбопытствовал Кристофер. Он держался на безопасном расстоянии и кривил губы в легкой улыбке.

— Я мелкая, хилая и слабая, — Лорейн окинула свою нескладную фигурку рукой. — А раз так, то неплохо бы научиться давать отпор иначе.

— Похвально, — кивнул дворецкий.

Постепенно у нее начало получаться. Выдергивая первый нож, застрявший прямо посередине листа, Лорейн была горда собой, как никогда. Правда, пересекая поляну туда-сюда столько раз, она основательно растрепала одежду и вспотела. Стало так жарко, что она даже расстегнула пальто. Волосы под сбившейся шапкой торчали во все стороны. Выглядела она, должно быть, предельно забавно.

— От кого вы собираетесь защищаться?

— Ото всех, от кого придется, — заявила она. Лорейн рассудила, что пора переходить к револьверу, вытащила его из недр сумки и проверила предусмотрительно заряженный барабан.

Она зачем-то представила, как переносится во времени назад: в ту самую ночь, когда погиб Тайлер; как смотрит на себя со стороны — испуганную, одурманенную наркотиком, беспомощную девчонку — и приходит на помощь. Самой себе, будучи старше и куда храбрее. Огнестрельное оружие заметно придало ей уверенности. Ее рука бы не дрогнула. И все же первая пуля предназначалась бы кузену. Он был чудовищем похуже сожравшей его твари. Он заслужил свою участь. Лорейн жалела тетю Присциллу, дядю Клиффорда, даже ублюдка Майлза, но не Тайлера.

Она имела право на свою злость.

— Это малый калибр, — подсказал ей Кристофер. — Вам придется подойти поближе.

Лорейн кивнула и протянула револьвер ему.

— Покажете? — попросила она. Ей нужна была минутка, чтобы собраться. И она не ошиблась — оружие лежало в руках дворецкого, как влитое. Сделав пару широких шагов по притоптанному беготней снегу, он ловко поразил цель в самый центр. Теперь Лорейн гадала, приходилось ли ему убивать? Как это — отнять чью-то жизнь?

Кристофер аккуратно разжал ее пальцы, сжатые в кулак, устраивая холодный металл револьвера поудобнее в ладони. Он отступил Лорейн за спину, но все еще находился преступно близко, направляя ее руку. К счастью, из-за ее плеча он не мог заметить слез, навернувшихся Лорейн на глаза. Она сильно разволновалась. Мысли хаотично металась в голове. Прицеливаясь, она представляла на месте мишени лицо Тайлера. Она хотела отомстить.

Когда большинство одноклассниц, та же Холли, уже всюю встречались с молодыми людьми, а самые смелые постигали мир телесных удовольствий, Лорейн даже никогда не целовалась. Она была до отвращения неискушенной. Конечно, она винила во всем кузена, поже-

лавшего воспользоваться ее наивностью и чистотой. Он не успел зайти далеко, но все же отнял кое-что неоспоримо важное. Невинность ее души. Лорейн было уже не стать столь же восторженно-романтической, как Холли. Ее знакомство с сакральным миром отношений полов началось с грязи и принуждения. И клеймо не смыть. Но это не значило, что ей не хотелось попробовать. Хотелось... и прямо сейчас, когда первое попадание в цель заставило кровь в жилах еще сильнее бурлить от прилива адреналина.

Лорейн развернулась в руках Кристофера, чтобы оказаться с ним лицом к лицу. В неясном свете его глаза казались не карими, а темно-синими, как небо над их головой, а на скулах залегли глубокие тени.

Она решила, что вырвет те страницы и сожжет. Она напишет поверх старых слов новый сюжет. На этом самом месте. Занятия стрельбой уверили ее, что она стала достаточно храброй для того, чтобы владеть своей судьбой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.